Никита ФЕДЕНЕВ

ЗА ВИТРАЖАМИ

Рассказы

СТЕКЛЯННАЯ КОМНАТА

— Я тебя просто не узнаю! — сказала мама.

На улице было по-осеннему зябко. Лиловые сумерки стусились так, что Федька не замечал под ногами грязь и лужи. Пахло влагой, мокрой землей и копченым дымом: где-то топили баню.

Вдвоем они шагали по узкой петляющей улице мимо гаражей и сараев. На душе скребли кошки, напряжение разрасталось с каждой минутой. Больше мама не обронила ни слова, но молчание было обманчиво, готовилось в любую секунду обернуться бурей.

«Тебя не узнать!» Не хватит пальцев на руках посчитать, сколько раз друзья мамы и папы говорили эти слова. Когда дяди и тети видели Федьку, глаза их раскрывались широко-широко, и с губ слетало удивленное восклицание.

Вот и мама повторила ту же глупость.

— Не узнаю тебя, — продолжила она. — Воспитатели никогда на тебя так не жаловались.

Сердце упало камнем.

— Зачем ты подрался с новеньким? Сережа первый день в садике, ему тяжело и грустно, а тут еще ты с кулаками.

— Я к нему не подходил! — воскликнул Федька.

— Ну конечно! Пальцем его не тронул, да?

— Да! Зачем мне с ним драться?

— Откуда мне знать. И не понимаю, зачем ты нянечку поцарапал. Вроде она тебе нравилась, всегда к ней на руки просился. Теперь у нее на подбородке царапина, а у Сережи под глазом фингал. Молодец!

Федька опустил голову. Он снова и снова видел картину: незнакомый лохматый мальчишка просился на руки к *его* нянечке, *его* Раисе Петровне. И она, подумав только, брала мальчика на руки и прижимала к груди!

Он отошел в сторону, сел на ковер и принялся катать по полу машинки. Решил, что никогда-никогда не подойдет к нянечке и ни за что не подружится с новеньким. Больше не будет их замечать, и что они делают вместе, ему ни капельки не интересно.

— Мне было не до них, — сказал Федя, — я весь день играл машинами. На тихом часе мне приснился... нет, привиделся туман. Да, такой густой и белый, он вдруг появился у нас в группе, а я не спал и наблюдал. Кто-то из девочек плакал... Хотя нет, кричал... Кричал мальчик, новенький, а воспитательница на кого-то ругалась. А потом...

Никита Евгеньевич Феденев родился в 1996 году в городе Губаха Пермского края. Окончил Уральский государственный юридический университет.

потом вдруг задрожали стены, и мне стало так страшно, я даже проснулся! Представляешь, мама?

— Ну-ну. Скажешь, драчуном был не ты?

— Нет! Я ничего не делал. Это был сон!

Мама ничего не ответила.

Они зашли в квартиру молча. Федька поужинал жареной рыбой с картошкой, искупался в теплой воде с клубничной пеной, но так и не успокоился. Совсем отвлечься от неприятных мыслей не получалось. История не закончилась, и он мучительно ждал, когда мама выскажет все, что подумала за этот вечер.

Незадолго до сна мама произнесла:

— Завтра же извинишься перед Сережей и Раисой Петровной. Ты меня сильно расстроил, и я не буду сегодня рисовать с тобой мультишных далматинцев, хотя обещала.

— Но мама!

— Никаких «но».

Она села в кресло и включила сериал, что смотрела из вечера в вечер.

— Твой безответственный Лукас снова уехал к Жади! — слышался мужской голос из телевизора.

Громко топая, Федька ушел в свою комнату. Захлопнул дверь со всей силой, на которую был способен, будто громкий хлопок мог отменить сказанные мамой слова. Не раздеваясь, плюхнулся на кровать.

— Луковый Лукас, — пробурчал он. — Жади Жади.

Лежа на спине, буравил взглядом белый потолок. Взглянул на пронзительно-желтый свет лампы, сощурился и отвернулся лицом к ковру на стене. Затем принялся слушать героев сериала. Что-то у них там получалось не так, как они хотели, все время чего-то им не хватало. Дядьки и тетки громко ругали друг друга и так же шумно потом мирились. Часто звучала реклама, что была громче.

— Звоните нам прямо сейчас! Уникальная цена! Но и это еще не все!..

На третьей рекламе Федька уснул. Кто-то выключил в комнате свет и тихонько поцеловал его в лоб.

В субботу мама сказала:

— Сегодня днем посидишь с дедушкой, а мы с папой ходим по делам.

Что это за дела и почему ему нельзя пойти с родителями, Федя так и не понял. Правда, он и не хотел понимать. Знал, что у взрослых дела скучные и неинтересные, а других дел у них почти никогда не бывает. Он боялся, что и сам когда-нибудь станет таким же взрослым.

Но сейчас, пока еще много того, что взрослые называют Временем, он решил не тратить его понапрасну.

— Чем займемся с тобой? — спросил дедушка.

— У нас много дел, — сказал Федька, — будем смотреть мультики целый вечер.

— Мультики? Какие мультики ты хочешь?

— Не знаю. Давай сначала про Карлсона.

— Про Карлсона, значит. Что ж, хороший мультфильм, советский...

Дедушка вставил кассету в видеомагнитофон, и Федька запрыгнул в папино кресло.

К третьей кассете мультфильмы ему надоели, к тому же сильно захотелось пить. Взглянул на дедушку, который лежал на диване. На цыпочках подошел к нему и остановился, затаив дыхание. Прислушался к дыханию дедушки. Тот чуть слышно похрапывал, сложив на груди морщинистые руки.

Федя тихонько прошел на кухню, включил электрический чайник, встал на табурет, на носочках дотянулся до шкафчика и нащупал рукой пачку соды. Не то! Спрыгнул

с табурета, положил в кружку чайный пакетик и поднял тяжелый чайник. Кое-как налив кипяченую воду, добавил две ложки сахара и как следует размешал.

До ушей долетали негромкие звуки из квартиры этажом выше: мужское оханье и ворчание, топот, скрип пружин, словно некто прыгал на кровати. Упала на пол и разбилась какая-то вещь. Как бы соседи не потревожили дедушкин сон!

Федька стоял возле кухонного окна, прихлебывал чай и жевал баранки. За окном он наблюдал, как рыжебородый гном, закутанный в серый плащ, брел к мусорному контейнеру вместе с собакой, у которой была темная свалывающаяся шерсть. Остановившись у помойки, собака радостно гавкнула. Гном встал на цыпочки, кое-как дотянулся до чего-то съестного и отдал еду собаке. Она с жадностью набросилась на угощение, но все же оставила хозяину небольшой кусочек. Взъерошив собачью шерсть, гном проглотил остатки пищи.

Федя перевел взгляд на заводскую трубу, что виднелась у горизонта. Она походила на вафельную трубочку. Достаточно было протянуть руку, взять ее и обмакнуть в чай. Из нее медленно выплывал столб дыма. Густой, цвета молока с шоколадными хлопьями, дым неторопливо подменял собой облака и постепенно заполнял небесную синеву.

— Вел ты себя отвратительно! — сказала вечером мама. — Весь день издевался над дедушкой! Не жалко тебе его?

Федька потупил взгляд.

— А я что? Мне дедушку жалко...

— Он сказал, чтобы мы больше не просили его оставаться с тобой. Не хочешь мне ничего объяснить?

— Что объяснить?

— Тебя нужно спросить что!

— Я ничего не знаю. Я только мультики смотрел и чай с баранками пил, и все. Честное слово!

— Опять у тебя кто-то другой виноват...

Мама помолчала немного, а потом произнесла строго:

— Помнишь, ты просил купить набор для рисования в чемоданчике? Если не начнешь себя хорошо вести и перед дедушкой не извинишься, никакой чемоданчик не получишь.

Федька во все глаза уставился на нее и воскликнул:

— Да что я сделал?!

— Ты прекрасно знаешь что.

— Нет!

— Неужели? Кто раскидал по всей квартире игрушки, а потом отказывался собирать? Кто нарочно подбрасывал дедушке под ноги лего? Дедушка хромает теперь после твоего конструктора!

— Это не я!

— Кто прыгал на нашей с папой кровати и разбил светильник? Такой хороший светильник был!

— Но...

— Зачем ты прыгнул на дедушку со всей дури, когда он уснул на диване?

— Я не...

— И в нашу с папой тумбочку тоже не ты пытался залезть? Что, скажи на милость, ты там хотел найти? Еще и накричал на дедушку, когда он тебя из нашей с папой спальни выгнал!

На глаза Феде навернулись слезы.

— Я ничего такого не делал!

— Снова старые песни о главном...

Мама устало вздохнула и присела рядом на диван.

— Знаешь, — сказала она, рассеянно глядя куда-то в сторону, — порой мне тяжело, потому что тебя словно подменили. Ты никогда не баловался так, как в последние дни. Пойми, я не хочу быть сердитой и строгой. Я чувствую себя не в своей тарелке, если вынуждена тебя ругать. Не заставляй маму выходить из себя, хорошо?

— Угу.

— Рада, что мы друг друга поняли.

Федя почувствовал, что не сумеет отделаться от гнетущего чувства тревоги. Чужак, которого все принимали за него, снова натворил бед. Он старался припомнить, не случалась ли хотя бы мимолетная встреча с таинственным незнакомцем. Но ничего не припоминалось, и Федя закусил губу. Не будет покоя, пока они не встретятся.

Спустя пару дней мама хлопотала на кухне, откуда слышался аромат тушеных перцев, фаршированных мясом. Этим вечером к ним обещали зайти дядя Гриша и тетя Света.

В ожидании гостей Федька пролистал на диване все комиксы про Микки Мауса. Каждую неделю Федя напоминал родителям, чтобы они не забыли купить новый выпуск, и теперь у него была целая коллекция заветных журналов.

Неожиданно он уловил движение возле комнаты родителей. Некто прошмыгнул в спальню так быстро, что Федя едва успел заметить. Не поверил своим глазам и на всякий случай проморгался. Показалось?

Он вскочил с дивана и побежал в комнату. Подпрыгнул, и все же не смог дотянуться до выключателя. Сквозь плотно задернутые синие шторы в спальню проникал тусклый свет уличного фонаря, и Федя смог различить человеческий силуэт одного с ним роста и комплекции.

Незванный гость обошел кровать и замер у окна рядом с тумбочкой. Затем запустил руку в карман шорт и вытащил оттуда какую-то вещь, вроде бы маленькую коробочку. Рассмотреть ее лучше не получилось.

Так и стояли они в глухой тишине и полумраке. Двухспальная кровать отделяла Федьку от пугающего незнакомца, который держал в руке непонятный предмет.

Внезапно Федька понял, что это за коробочка, и испуганно охнул.

— Не надо! — прошептал он. — Убери! Спрячь!

Больше всего на свете он не хотел, чтобы мама услышала его шепот, заглянула в спальню и заметила в руках незнакомца коробок спичек. В коробке таились настолько серьезные неприятности, что с мечтами про чемоданчик с набором для рисования можно было распрощаться навек.

— Пожалуйста...

Но гость вынул спичку, чиркнул ей, и в его руках вспыхнул маленький огонек. Незнакомец осторожно поднес зажженную спичку к небольшой свече, что стояла на тумбочке. Свеча загорелась, и человек взял ее в руки. Дрожащее пламя озарило лицо. Федька почувствовал, как волосы на затылке привстали. Откуда-то из груди вырвался сдавленный крик.

Он увидел непослушные кудри на голове, худую шею и тонкие пальцы, что держали свечу. Не отрываясь, смотрел в веснушчатое лицо и ярко-зеленые глаза.

Двойник медленно улыбнулся и поднес к губам указательный палец. Поставив свечку на пол, он распахнул дверцу прикроватной тумбочки.

Федя подошел к нему и отчаянно зашептал:

— Нам нельзя туда лезть, слышишь. Будут проблемы, большие.

Но двойник словно не слышал его и, по-прежнему не говоря ни слова, уставился в нутро тумбочки. Там были серые, как у расстроенного телевизора, мерцающие помехи.

Запахло чем-то удушливо-пряным. Федя сообразил, что запах идет от свечи. В ее свете он увидел, как двойник взялся за помехи обеими руками, разорвал их на маленькие клочки, скомкал и зашвырнул под кровать.

Теперь тумбочка показывала забавный мультик. Дядьки с большими носами-сардельками что-то взволнованно говорили друг другу, и над их головами всплывали облачка с буквами. Читать Федька еще не умел. Его распирало от любопытства, но он отчетливо понимал, что спрашивать у мамы и папы, что здесь написано, нельзя ни в коем случае. Никто не должен знать, что он был здесь и заглядывал в тумбочку.

— Пойдем отсюда скорее, — прошептал он. — Нас могут увидеть. А если мама сейчас зайдет в комнату? Что тогда будет?

Вместо ответа двойник стукнул по тумбочке. Федька увидал кадры из какого-то кинофильма, снятого в оранжево-коричневых тонах, и почувствовал, что лоб покрылся испариной. В двух размякших, словно подтаявших на солнце, фигурах угадывались дяденька и тетенька. С помощью вилок и ложек они медленно поедали друг друга.

Он понял, что приоткрыл рот от удивления. Сомкнул челюсти и, сделав глубокий вдох, почувствовал: что-то не так. Обернулся и едва не потерял рассудок.

Штора загорелась от стоящей рядом свечи.

Он стал дуть на штору что было силы. Огонь разгорелся сильнее.

Скорее в ванную комнату! Там он отвинтил до упора кран с холодной водой и, наполнив до краев ковш, помчался с ним, расплескивая ледяную воду, обратно в спальню, чтобы окатить штору водой. Затем повторил все еще раз.

Огонь исчез. Штора воняла гарью, которой пропиталась вся комната. Федька неистово замахал руками, будто надеясь прогнать горелый запах. Конечно, мама заметит и запах, и черную копоть на шторе, а потом обвинит его.

Только сейчас он сообразил, что двойника и след простыл.

Захлопнув тумбочку и поставив на нее свечу, Федя вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Его обуяла такая тоска, словно не придется больше испытать в жизни счастья. Без сил упал на диван и закрыл глаза.

Он мог прийти в себя только в одном месте.

Тем местом была небольшая комнатка: четыре стены из желтых и красных, зеленых и синих стеклышек, которые складывались в причудливые узоры. Дверей и окон не было, Федя легко проходил сквозь витражи. Пол состоял из множества маленьких плиток, изрисованных цветными мелками: кораблики и машинки, солнышки и облачка, цветочки и бабочки — каких только рисунков здесь не было. Над головой вместо потолка сияло белое, как лист бумаги, свечение. Сюда Федя приходил, когда ему хотелось подумать или побыть одному.

Это была Стеклянная комната.

Было тихо, и на душе становилось спокойно и хорошо. Неспешно бродя по комнате, он вдыхал дивный аромат. Вроде так вкусно пахли мамины духи. Запах был едва уловимый, словно капелькой духов несколько дней назад намочили платок и забыли его здесь.

Лишь одно тут было чужим и посторонним.

— Уходи, — сказал он.

Федя не смотрел на витражи прямо, но краем глаза следил за своим отражением. Казалось, с каждым шагом отражение все меньше подражало ему. Он видел, как оно высуло язык и скосило глаза к переносице.

«Перестань корчить рожицы, — услышал он мамин голос. — А вдруг кто-нибудь по голове тебя стукнет в этот момент? На всю жизнь с такой глупой физиономией останешься!»

Федя сделал еще пару шагов, остановился, перевел дух и взглянул на отражение в упор. Двойник ответил дерзким, нахальным взглядом, который Федька иногда замечал у старших пацанов во дворе. Снова вспомнились мамины слова: она просила его держаться от дворовых мальчишек подальше, обещая, что от них он научится чему-то плохому.

— Я все расскажу маме, — произнес Федя.

Отражение ухмыльнулось. В кусочках цветного стекла улыбка вышла кривой, надломленной.

— Да-да, прямо сейчас расскажу. Пусть мама знает, — Федька набрал воздуха в грудь и выдохнул, — что все это сделал я.

В глазах двойника промелькнул испуг.

— Стащил спички, потому что хотел поискать что-нибудь интересное в тумбочке, и нечаянно поджег шторы.

Стеклышки витражей задрожали, послышался звон.

— Прыгал на кровати и разбил светильник, — продолжил Федя, не обращая внимания на дребезжание стекла, — расстроил дедушку, подбрасывал ему под ноги лего, прыгнул ему на живот, когда он уснул.

Пол и стены затряслись, Федя покачнулся. Шире расставил ноги, развел в стороны руки, чтобы удержать равновесие.

— Спорил с мамой, обидел Сережу и поцарапал нянечку в детском садике. Но больше я врать не буду! Слышишь меня? Не буду!!!

Мгновение, и двойник исчез.

Федя стоял один. Комната больше не тряслась, звон уступил место тишине. Витражи медленно таяли в белой молочной дымке, которая становилась гуще и гуще, все больше напоминая дым заводской трубы.

Открыв глаза, он резко поднялся с дивана. Зайдя на кухню, увидел возле плиты маму в розовом халате и желтом фартуке. Ее щеки покраснелись от духоты, светлые волосы слиплись на лбу. Она зачерпнула половником вишневый компот, подула и сделала небольшой глоток.

— Мама, — сказал он. — Пойдем. Надо показать тебе кое-что...

— Федя, сейчас тетя Света с дядей Гришей придут. Мне пока некогда. Давай чуть позже покажешь?

— Нет, сейчас. Обещай только, что не будешь сильно ругаться.

Мама положила половник на стол и внимательно посмотрела на Федю.

— Та-ак, — сказала она, — видимо, лучше и правда сейчас.

Сняв фартук и вытерев руки о полотенце, она пошла вслед за Федькой. Он остановился на полпути в спальню, дальше идти не решился. Мама распахнула дверь и растворилась в потемках.

— Чем это пахнет здесь? — послышался ее голос. — Федя, что ты... Что случилось со шторами?!

Раздался дверной звонок. Из кухни вышла еще одна мама Феде. Выглядела она точь-в-точь как первая: те же светлые завитые локоны и зеленые глаза, даже одета была в тот же нежно-розовый халат и светлые тапочки с зайчиками.

Вторая мама открыла входную дверь и улыбнулась гостям:

— Здравствуйте! А мы с Феденькой вас уже заждались!

— Федя! А ну марш сюда! — слышался рассерженный голос из спальни. — Что ты тут натворил, признавайся!

— Проходите-проходите, — лился в прихожей мамин медовый голос. — Федя для вас вчера целый день рисунок готовил. Он очень красиво рисует!

— Сколько раз я говорила тебе: не тронь спички! — кричала мама на пути в прихожую. — Хочешь квартиру спалить, чтобы мы на улице жили?

— Каждый день меня чем-нибудь радует. Золотце, а не мальчик.

— Сил моих нет! Наказание, а не ребенок!

Сердитая мама стояла руки в боки и молча сверлила Федю строгим взглядом темно-зеленых глаз.

Ласковая мама ерошила его кудри и любовалась им с нежностью в светлых зеленых глазах.

Так и молчали под оранжевым светом лампы, словно не смели нарушить повисшую тишину. Все было, как обычно, когда Федька набедокурил и должен был попасть под раздачу, но в этот миг приходили гости.

Наконец дядя Гриша произнес:

— Я вас просто не узнаю, молодой человек! До чего кучерявеньким стал!

— А как хорошо подрос! — добавила тетя Света. — И правда, просто не узнать!

ЗДРАВСТВУЙ, ЙО!

Федя переминался с ноги на ногу возле холодильника, который ломился от вкусностей. Чего только в нем не было: на полках теснились тарелки с сырными шариками и сервелатом, лежали упаковки крабовых палочек, жестяные банки с икрой и зеленым горошком. Нарезанный дольками ананас, гранаты и апельсины пристроились рядом, а между ними виднелись коробки конфет «Птичье молоко» и «Кокосовые трюфели» в шоколаде.

Не в силах терпеть ни минуты, Федя протянул было руку за ананасной долькой, но тут в кухню заглянула мама:

— Положи на место! Это на Новый год. Возьми лучше мандаринку.

На кухонном подоконнике стояла банка виноградного сока. Нужно лишь открутить крышку и плеснуть напиток в стакан. Но едва Федя коснулся банки, как на кухне вновь появилась мама:

— Не трогай! Сок в новогоднюю ночь откроем. Сейчас тебе водички налью, если пить хочешь.

От досады Федя закусил губу и вздохнул.

— Ты подумал, кем хочешь быть в этом году? — спросила мама.

— Я буду Спайдерменом! — заявил он.

Мама ответила удивленным взглядом.

— Кем? Что это за монстр такой?

— Человек-паук.

— Ну не знаю, Федя... Как ты будешь дышать в его костюме?

Он взял в руки журнал комиксов о супергерое. На обложке Человек-паук привычно карабкался по стене высоченного небоскреба. Федя присмотрелся к костюму: прорезей для дыхания не было.

Он печально опустил глаза. Выходит, не пострелять ему паутиной перед детьми и воспитателями.

— Тогда, может быть, я буду Дональдом Даком?

— Все одно — какая-то иностранщина, — ответила мама.

Каждый год Федька приходил на новогодний утренник в новеньком, только с иголочки, карнавальном костюме, который мама шила сама. Утенок Дональд щеголял в матроске, поэтому на сей раз решили остановиться на костюме моряка.

Следующим вечером Федя влез в широкие синие штаны, нахлобучил на голову бело-голубую фуражку, на которой красовался шарик-апельсин, и надел белую рубашку с полосатым воротником. Мама сказала, что воротник называется «гюйс». Несколько раз за вечер Федя просил напомнить это название, чтобы впечатлить им воспитательниц и ребят.

— Праздник к нам приходит! Праздник к нам приходит! — сообщила реклама по телевизору.

На пороге квартиры появился отец, скрытый за хвойными лапами. Он принес ель высотой под самый потолок, роскошную, полную жизни. Елка, только с мороза, наполнила квартиру ароматом хвои. Еловый дух тут же перенес Федю из пятиэтажки в зимнюю сказку, где отчаянный Щелкунчик боролся с Мышиным королем, снежные хлопья и цветы вальсировали, а Фея Драже кружилась в танце.

С верхней полки шкафа папа достал картонную коробку и поставил ее рядом с елью. Содержимое коробки приятно пахло историей, пылью и предстоящими хлопотами.

Папа извлек моток гирлянды, похожий на куст дикой розы. Распутать его была та еще морока, и папа несколько раз чертыхнулся. Мама достала мишуру и дождик, а Федя вынул елочные игрушки. Они были старые и стеклянные. Хрупкие, словно яичная скорлупа. Федька боялся их разбить. С трепетом брал и крепил их на еловые ветви позолоченную кукурузу, серебряную ракету, Щелкунчика.

Не забыл он и про сторону елки, обращенную к стене.

— Там же не видит никто, — сказала мама. — Не надо туда вешать игрушки!

— Тогда елочка не оживет!

И он потянулся, чтобы повесить бусы из стекла. Оставалось надеть звезду. Папа усадил Федю на плечи, но он все равно не дотягивался до верхушки: тянул руку, а верхушка вытягивалась и росла. И Федька понял, что надеть звезду на верхушку сможет только папа.

Когда мама украсила ель разноцветной, переливающейся мишурой, Федя поспешно вышел из зала.

— Я сейчас! — крикнул он.

Прибежав в свою комнату, плюхнулся на стул и включил настольную лампу. На гладкой поверхности письменного стола лежала открытка, которую он начал рисовать в садике. Держась за руки и улыбаясь, мальчики и девочки водили хоровод вокруг елки, а она, пышная и нарядная, улыбалась им своими ветвями.

В уходящем году он выучил несколько букв, которых на слово «ЕЛКА» должно было хватить. Аккуратно выводил над рисунком печатные буквы разноцветными карандашами. Старался делать нажим, потому что знал: чем сильнее давишь на бумажный листок грифелем карандаша, тем понятнее получается то, что пишешь.

Довольный результатом, Федя показал открытку маме и папе.

— «ЙОКПА», — прочитал папа и улынулся. — Йо-майю, молодчина!

Федька вопросительно взглянул на него:

— Смеешься?

— Нет, все хорошо! — сказала мама. — Просто умница! Я поставлю открытку на еловую ветку, чтобы Дедушка Мороз прочитал ее.

Папа принес кухонный табурет, поставил его возле елки.

— Становись возле Йо! — сказал он.

Федька встал на табурет, натянул широкую улыбку, про такую дедушка говорил «рот до ушей, хоть завязочки пришей». Затем звонко, но картаво начал рассказывать стихотворение.

Елочка слушала. Федя забывал строчку, и на гирлянде загорались зеленые лампочки, когда вспоминал — красные. Стих заканчивался, и елка быстро-быстро мигала ему огоньками.

— А сейчас стихотворение нам расскажет Федечка! Он у нас сегодня моряк! Давайте его послушаем, ребята! — слышал он голос воспитательницы на утреннике.

Ему до дрожи в коленях не хотелось идти к Деду Морозу и Снегурочке. С горячими слезами, через его «не хочу» и мамино «надо», долгими вечерами учили они стихи, в которых ничего интересного или веселого Федька не находил. Но что поделаться, если Дед Мороз давал подарок только детям с хорошей памятью.

На утреннике в детском саду их уверяли, что ребятня находится в волшебном лесу, что они отворили дверь в сказку. Но Федька рассматривал знакомый зеленый ковер под ногами, переводил взгляд на большое окно и видел «хрущевки» в вечернем сумраке. На детских, расписанных под хохлому стульчиках жались родители с фотоаппаратами и видеокамерами: они, усталые после работы, что забыли в лесу?

Баба Яга топала костяной ногой, как угорелая носилась по залу и напоминала нянечку — сверкал во рту стальной зуб и торчали волосинки из родинки на подбородке. Воспитатель по физкультуре нарядилась в почтальона Печкина, с ее усиками и короткой стрижкой она легко могла притворяться мужчиной. А музыкальный педагог не наряжалась в сказочного героя, была в той же блузке, которую всегда носила. Так и сидела в углу за любимым фортепиано.

Но самое печальное, что Дед Мороз настоящим не был. Федька понял это не по годам рано. В прошлом году, когда Дед Мороз посадил его на колени, мальчик заметил у него на запястье якорь. Крохотный, словно нарисованный шариковой ручкой, якорь.

Федя знал, что такое «татуировка». У папы был наколот на груди парашют.

Отойдя в сторону, Федька еще раз взглянул на Деда Мороза и зарыдал, держа в руке мешочек с конфетами.

Праздник продолжался как ни в чем не бывало. Музыкальный воспитатель принялась наигрывать веселую, но дурацкую мелодию. Мужчина, что притворялся Дедушкой Морозом, объявил зычным басом, что надо проучить Бабу Ягу за ее злодеяния. Мальчики и девочки столпились вокруг нее и старались перекричать друг друга:

- Давайте заморозим ее!
- Конфет не дадим!
- В угол поставим!

Наряженная в почтальона Печкина воспитательница попыталась взять Федю за руку, но он вырвался и отбежал в сторону.

Взрослые делали порывистые движения и разговаривали неестественными, странными голосами. Федя не хотел, чтобы они подходили к нему. Он им не верил, а верил елке! Она единственная оставалась искренней в царстве кривляющихся чудаков. Она была настоящей.

Качнулась еловая лапа. Елочка пригласила его подойти поближе, чтобы он смог дотронуться до колючих иголок и почувствовать хвойный дух. Завидев свое заплаканное отражение в стеклянном ярко-голубом шаре, Федя вытер лицо тыльной стороной ладони.

«Это неправильно, — подумал Федя, — все неправильно! У Дедушки Мороза не может быть татуировки! У папы может, а у него никак не может!»

Негодующе вспыхнула елка красными огоньками.

«Воспитатели притворяются, — продолжил Федя. — Баба Яга и почтальон Печкин в телевизоре совсем другие! Взрослые нас обманывают, а обманывать — плохо».

На гирлянде осуждающе загорелись зеленые лампочки.

«Солнце село, потому сейчас вечер, а праздник почему-то называется „утренником“. Надо говорить „вечерник“».

Желтые огоньки одобрительно замигали ему, и Федька наконец улыбнулся, потому что елочка поняла его мысли и переживания.

Мама подошла к нему и присела на корточки, ее глаза и глаза Феде оказались на одном уровне.

— Что-то ты совсем приуныл. И с ребятами не веселишься, и праздник тебе не мил. Что случилось?

Он опустил взгляд на мешочек конфет, который крепко держал в руках.

— Мы скоро домой? — спросил он.

— Подожди. Еще надо с Дедом Морозом сфотографироваться на память.

— Не хочу! Лучше пойдем домой.

Кое-как дождался окончания праздника, просидев остаток вечера на стульчике и прижимая к груди заветный мешок.

Вот и сейчас, спустя год после того, как открылась горькая правда про Деда Мороза, его вновь заставляли рассказывать перед ним глупое стихотворение.

Пересилив себя, он поднялся со стула и зашагал по ковру. Зал был большой и светлый, освещаемый внушительного размера хрустальными люстрами. Посреди зала вышала украшенная дождиком и игрушками ель, такая высокая и разлапистая, что в их квартире точно бы не поместилась. На стуле рядом с елкой восседал закутаный в ярко-красную шубу толстый мужик с бородой, похожей на белую мочалку. Федя остановился возле него, стараясь не смотреть на запястья мужчины.

Прежде чем начать стих, обернулся на зеркала, что висели на стене по правую руку, и увидел в отражении моряка, вполне себе живого, чуть напуганного. Но едва произнес первую строчку, как тут же превратился в Щелкунчика.

Он и забыл, каково быть елочной игрушкой. А быть ею все равно что безуспешно пытаться вынырнуть из пучины ночного кошмара, когда вот-вот настигнет жуткое кровожадное чудовище. Нельзя было пошевелить ни рукой, ни ногой. Не двигались даже глаза: смотрели в одну точку, но ничего не видели. Губы сами прищептывали выученные строки как можно быстрее, пока помнил:

Как нарядна, расчудесна
Елочка, что так прелестна!
Сколько шариков, хлопушек
И диковинных игрушек...

Ну, а что дальше? Неужели забыл? Нет, не может быть! И диковинных игрушек... Какое нехорошее слово «диковинные». Дикие они, что ли? Ох, надо вспомнить, как там дальше. Скорее! Что-нибудь, кто-нибудь, на помощь!

Елочка неистово заморгала огоньками гирлянды, и Федька воскликнул:

Огоньки зажглись на елке,
Светом озарив иголки!
И звезда горит лучами,
Будет сниться нам ночами!

Отзвучали последние слова, и Щелкунчик ожил. Федя снова сделался человеком и, получив из рук Деда Мороза шелестящий фольгой мешочек, побежал к ребятам.

Утерев лоб рукавом рубахи, облегченно выдохнул. Плюхнулся на стульчик рядом с голубой широкополой шляпой. Под ней был взлохмаченный мальчуган по имени Сережка. Он пришел на утренник, разодетый в широкие, цвета канарейки, брюки, оранжевую рубашку и пестрый зеленый галстук.

— Я у Деда Мороза попросил в этом году самоеда, — сказал Сережа.

- А что это — самоед? — спросил Федя.
 - Это собака такая.
 - Собака?
 - Да, хорошая очень. Белая и красивая.
 - Она сама себя ест, поэтому так называется?
- На лице Сережи появилось задумчивое выражение.
- Не знаю, — произнес он, — наверное.

Приподняв шляпу, он почесал лохматую голову, а затем погрузился в глубокие размышления. Федька подумал, что еще можно спросить про собаку, но так ничего не придумал. Зато осознал, что стишок, который неприятно щекотал его мозг, вылетал из головы, словно птичка из клетки. Оттого сразу же стало легче.

Как назойливую муху, он отогнал мысль, что мог остаться игрушкой навеки, если бы не вспомнил слова дурацкого стихотворения.

Что-то творилось со взрослыми в последний день года. Все теряли покой, суетились, на лицах застыло тревожное выражение, как будто взрослые опаздывали на последнюю электричку.

С утра мама, тетя Наташа и баба Валя ушли на кухню, чтобы выйти оттуда только под вечер. Кухню заволокло паром, и окна запотели настолько, что нельзя было разглядеть улицу. Ожидая праздника, томилась в духовке утка с апельсинами. Холодец не успел застыть, и пахнущая мясом мутная жижа бултыхалась в плошке. Федька вертелся на кухонном табурете, наблюдая, как родные фаршировали шуку, помешивали на плите грибной соус и громко спорили, выхватывая друг у друга ложки и вилки.

Бабушка бросила тревожный взгляд на кухонные часы, и Федька посмотрел туда же: стрелки часов лихо вращались по кругу.

На кухню тихонечко зашел дедушка.

— Деда, почему ты грустный?

— Мне новогоднее настроение уже отбили. Утром праздничные сто граммов тяпнуть не дали.

Дедушка грустно взглянул на кухонные часы, и Федька посмотрел туда же. Стрелки хранили упрямую неподвижность.

Папа тщетно пытался найти по телевизору что-нибудь интересное, но наткнулся только на звезд эстрады. Привычно возмущился, что в новогоднюю ночь вынужден был смотреть на одни и те же лица с ненастоящими, неискренними улыбками.

— Не верю им, не верю! — сказал папа. — Притворяются, что рады празднику, хотя все эти передачи снимают осенью, когда Новым годом еще даже не пахнет!

Переключил канал и попал на «Операцию „Ы“». Студент уже закатал хулигана в ролон обоев и заготовил розги. Феде не нравилось, что дядька-оболтус из фильма носил то же имя, что и он, а потому каждый раз радовался, когда тезка получал по заслугам.

«Надо, Федя, надо!»

На лице у папы заиграла улыбка. Сидя в любимом кресле, дедушка засмеялся так, будто смотрел фильм впервые.

Ближе к полуночи музыкальные концерты и старые фильмы пропали из телеэфира. На экране возник Человек в пиджаке и галстуке.

Когда Федька впервые его увидел, ему стало интересно, почему взрослые так внимательно слушают каждое произнесенное Человеком слово. Родители объяснили, что Человек в пиджаке управляет страной и решает все ее проблемы. Федя подумал над тем, что сказали мама и папа. Стало ясно, что все плохое случается оттого, что Человек в пиджаке просто-напросто чего-то недоглядел. Например, воспитательница на завтрак подала гороховую кашу, ядовитую и дурно пахнущую и пообещала, что вывалит ее Федьке за шиворот, если он не съест все до последней ложки. А вот узнал бы об

этом могущественный Человек, ударил бы кулаком по столу, и больше ни один воспитатель не смел бы предлагать детям гороховую кашу.

Словом, сидя у экрана телевизора, Федя хорошо понимал, что перед ним выступает самый важный Человек в стране. Хотя и не главный. Главными оставались для Феде его родители.

Федька очень сочувствовал Человеку в пиджаке, потому что видел, как тяжело ему приходилось в новогоднюю ночь. Люди сидели дома у накрытых столов, в кругу друзей и родных. А Человек встречал бой курантов один. Говорил слова возле елки, словно мальчик на утреннике. Он, наверное, тоже боялся забыть следующую строчку? Но ему ошибаться было нельзя. В детском саду ребят слушали родители и воспитатели, а его слушала вся страна.

И как-то иначе было невозможно! Иначе — немыслимо, непредставимо! Как можно в новогоднюю ночь обойтись без визита Человека в пиджаке?

Ведь тогда Новый год просто не наступил бы.

После боя курантов Федька сел на ковер по-турецки, обеими руками взял мешочек сладостей и перевернул его вверх тормашками. На полу оказались конфеты в разноцветных фантиках и киндер-сюрпризы, драже и фруктовые леденцы, шоколадные монеты в фольге и зеленое яблоко. Оно тут же закатилось под елку. Заглянув туда, Федя заметил несколько сухих опавших иголок.

— Ты устала? — спросил он у елочки. — Я тоже устал. Давай чуть-чуть отдохнем?

Взяв с собой несколько карамелек, Федя прилег на диван рядом с накрытым столом. Развернул фантик и засунул конфету в рот.

Интересно, Сереже подарили на Новый год самоеда? Надо будет узнать при встрече. Хорошо, если бы подарили, ведь с собакой в доме всегда веселей.

Федя видел вспышки салюта на улице, следил за мельтешением звезд на телеэкране и наблюдал, как затухают огоньки гирлянды на елке.

Он больше любил котов и кошек, нежели собак. Призадумался, не выпросить ли у папы котенка на следующий Новый год. «Кот в доме — радость в доме», — говорила тетя Наташа. «Без кота и жизнь не та», «Главней всего — котенок в доме, а все, что кроме — суета...»

Федя закрыл глаза.

Босяком по ковру он летел к елочке, рядом с которой стоял Дед Мороз. Полы длинной шубы слегка припорошило снегом, а посох, витиеватый и украшенный причудливыми узорами, покрылся льдом. На широком краснощеком лице, заросшем густой белоснежной бородой, сияла улыбка, а глаза были точно две льдинки, искрящиеся в свете комнатной лампы.

Федя ни капли не сомневался, что Дед Мороз настоящий, ведь в зале стало холодно, будто вдруг распахнулась форточка. Незримая кисточка в мгновение ока разрисовала окно снежинками, завитушками и белыми голубками, которые закружились в воздушном танце. Запястья Деда Мороза были чисты, и он излучал сияние, подобно свечению экрана телевизора.

Готовый обняться, Дед Мороз развел в стороны руки в алых рукавицах. Елочка неистово замигала огоньками, а на еловой лапе застучал зубами Щелкунчик.

— Остановка «Таганская»! — отчеканил он.

Федор очнулся от дремоты и понял, что чуть не проспал свою остановку. Нацепив шапку и преодолев салон парой шагов, он едва успел выскочить из автобуса, прежде чем захлопнулись двери.

Каждый год Федор отправлялся на елочный базар, чтобы отыскать такую же пышную и полную жизни ель, которая стояла в родительском доме годы тому назад. На днях мама и папа звонили ему. Разбирая документы в ящике письменного стола, мама на-

шла открытку с кривенькой, покосившейся набок елкой и ребятишками, держащими за руки. По мессенджеру папа выслал фотографию этой открытки Федору, и Федор увидел пять разноцветных букв над рисунком: ЙОКПА.

Федор бродил по базару, вдыхая холодный декабрьский воздух и кутаясь в шерстяной шарф. Нашел ее, ту самую, с которой папа появлялся на пороге квартиры. Потрогал ее за колючую лапу и почувствовал до боли знакомый еловый дух.

— Здравствуй, Йо!

ДОГОНЯЯ ЗЕЛИБОБУ

— Тебе не надо водить машину! — воскликнула мама, когда он сообщил ей о желании пойти в автошколу. — Вспомни, сколько на дорогах аварий! А ты мальчик рассеянный и мечтательный. Будешь ворон считать за рулем и врежешься в столб!

— Не врежусь, — буркнул Федя.

Он пожалел, что завел этот разговор преждевременно. Нужно было записаться на курсы вождения, а уж потом сообщить об этом родителям. А еще лучше было бы получить водительское удостоверение и только потом рассказать обо всем маме и папе.

— Не спорь, — сказала мама. — Научиться всегда успеешь. Но подожди хотя бы еще пару лет, хорошо?

Вчера его одноклассник Сергей как бы между прочим упомянул, что его дедушка подарил ему ключи от старенькой «лады-2107». «Давай-ка учись вождению! Будешь меня катать в поликлинику, когда нужно. Пенсионерки решат, что я личным шофером на старости лет обзавелся», — пересказывал Серый дедушкины слова. А Феде говорят подождать бесконечно долгие два года. Почему друзьям можно водить, а ему нельзя? В этом нет справедливости, а Федя никогда в жизни не мог терпеть несправедливость.

Решив, что спор с мамой может лишь усугубить ситуацию, он угрюмо кивнул.

— Вот и славно, — сказала мама.

Взрослые спрашивали, кем он хочет стать, когда вырастет. Федька всегда отвечал глазом не моргнув, что путешественником. В глубинах морей таились чудовища, утягивавшие на дно корабли; в пустынях караваны верблюдов огибали дюны в поисках оазиса; во льдах белые медведи любовались северным сиянием, а в джунглях мартышки весело прыгали с пальмы на пальму.

Мир казался огромным клубком, который хотелось размотать. Федя понимал, насколько Земля большая, на своих двоих не обойти. Был трехколесный велосипед, на котором он катался по квартире и возле дома, но вот заковыка: три колеса, а далеко не уедешь.

— Знаешь-ка что, сынок... Пора бы тебе настоящий велик купить, — произнес как-то раз папа, упирая на слово «настоящий».

В семье появился «Кузя». Так назвали его первый двухколесный велосипед. Федька никак не мог им налюбоваться. Синяя рама блестела в солнечных лучах, черные колеса приятно пахли резиной, а кожаное седло было удобным и мягким.

Положив ладони на руль, Федя поставил левую ногу на педаль, а правой оттолкнулся от асфальта. Велосипед проехал немного и остановился. Тогда Федька повторил движение правой ногой, а затем еще раз и снова.

— Что ты, как на самокате, едешь? — удивился папа. — Хорош прыгать, как зайчик! Ставь обе ноги на педали! Крути и держи равновесие!

Одновременно крутить и держать было сложно, получалось что-то одно. Чуть не упал в заросли акации, едва не задавил кошку, которая в последний миг успела шмыг-

нуть в кусты. Вдруг посреди тротуара вырос могучий дуб. Велосипед заупрямился и не пожелал свернуть. Врезавшись в дерево, Федька упал и громко заплакал.

— Как тебя угораздило? — вздохнула мама. — Ведь не мог не заметить!

Федька показал царапину на ладошке:

— Боба!

Когда они вернулись домой, мама помазала бобу зеленкой.

— Что, догнал Зелибобу? — спросил папа.

Федька перестал хныкать и засмеялся.

Время шло, и Федя получал новые ушибы и ссадины, по-прежнему желая научиться кататься на «Кузе». Аварии случались все реже и реже. Уже можно было не бояться расшибить голову или выбить зуб, навернувшись с велосипеда. Навык появился, окреп, и тогда велосипед стал ему другом, беззащитным, нуждающимся в поддержке, ведь отпусти, и он тут же рухнет.

— Дай разок прокатиться? — просили во дворе пацаны, у которых не было велосипеда.

Отказать было не по чести. Федя смотрел, как его «Кузя» скрывался за горизонтом, и сердце замирало от страха, что мальчишки уедут и никогда не вернуться.

На заре он слышал, как велосипед звал его. Наспех умывшись, Федька бежал встречать с ним летнее утро. Они объезжали все закоулки в поселке, придумывали имя для каждой колдобины на асфальте. Их встречали Копытце, Грибочек и Колокольчик. Бывало, ночью Федя слышал, как стучат по крыше капли дождя, и долго не мог уснуть, предвкушая завтрашнюю поездку. Утром выбоины оказывались заполненными водой. Как следует разогнавшись, Федька пересекал их, наслаждаясь шумом воды и брызгами во все стороны. Велосипед мчался вперед, а колеса оставляли на асфальте мокрые следы в виде восьмерок и волнистых линий.

Когда случались особо душные дни, он мчался на речку, крутя педали так быстро, как только мог. Остановившись у берега, оставлял велосипед в тени тополей, стягивал футболку и шорты, скидывал сандалии и с разбегу нырял в прохладную воду. Затем, высыхая перед обратной дорогой, уплетал «Кириешки», которые привозил с собой в кармане шорт.

Он ужасался, как польхают горы сокровищ на мусорном полигоне. Однажды позвал туда своего друга Сережу, чтобы спасти вместе с ними самое ценное из того, что угодило на свалку по глупой ошибке. Серый остановил свой велосипед, лихо соскочил на грязную землю и прислонил его к ржавому скелету легкового автомобиля без окон, дверей и колес.

— Чува-а-ак! — протянул он. — Да тут повсюду сокровища!

Они находились в городе, окруженном высокими горами из вещей, бесполезных для взрослых и очень ценных для детей. Здесь были узкие переулки и широкие магистрали, состоящие из разноцветных, плотно завязанных мусорных мешков. Громоздились старые развалившиеся стулья, диваны и кресла, рядом поблескивали пустые бутылки, валялись консервные банки. Тут же покоились изъеденные ржавчиной радиаторы отопления, железные пластинки в форме буквы «Ш» или «Е» в зависимости от того, как посмотреть, и заляпанный красной жидкостью топор с деревянной ручкой. Глаза разбегались!

— А воняет-то как! — воскликнул Серый.

Слышался шум экскаватора. Задорно каркали вороны, будто нарадоваться не могли, сколько всякой куснятины им принадлежало.

Вскоре у Феди появилось странное ощущение, что за ними кто-то наблюдает.

— Смотри! — воскликнул Сережа. — Там, за холмом!

Медленно огибая залежи мусорных мешков, к ним приближалась фигура, закутанная в серый плащ. Незнакомец был столь невысокого роста, что не оставалось сомнений: им навстречу брел гном. Рыжебородый, кудлатый, с обширной зальсиной на макушке, которая блестела на солнце. Рядом с ним, виляя хвостом, бежала собака. Ее широкий розовый язык, напоминающий ломтик ветчины, свисал из пасти.

Гном подошел совсем близко, и Федя увидел, как зыркнули его глаза.

— Эть, — просипел гном, — эт чевој такое, а?!

— Мы сокровища ищем! — ответил Серый.

— Чаво? Каво-о?

— Цветные стеклышки, игрушки, никому не нужные, красивые фантики всякие, — сказал Федя как-то неуверенно, жалобно.

— Вон отсюдава, клопы чумные!

Его собака обнюхала Сережу и Федьку. Видимо, мальчишки понравились псу. Он одарил их миролюбивым и радостным взглядом, а затем несколько раз пронзительно взлаял, словно извиняясь за недружелюбное поведение хозяина.

— Мы же не знали, что вы тут живете, — сказал Федька. — Знали бы, принесли вам чего-нибудь вкусного, чтобы вы подобрели.

— Я грю, убирайтесь, тудыть вас растудыть!

Гном замахнулся на них кулаком. Показав ему высунутый язык, Сережа взгромоздился на велосипед и поехал. Федя отправился вслед за другом. Гном провожал их недобрим взглядом, а его собака, напротив, смотрела как-то печально, не в силах ничего поделаться с мерзким характером хозяина.

Выехав за пределы полигона, Серый остановился, чтобы перевести дух.

— Ладно, — сказал он, — в следующий раз вернемся!

— Ага, — согласился Федя. — Кто ж знал, что сокровища стережет злобный гном?!

С тех пор они часто катались по поселку вдвоем, исколесили все его улочки и секретные тропки, запомнили каждый тупик. Федя рассказал другу, как зовется та или иная колдобина, сколько раз им с «Кузей» удавалось спастись от своры бродячих собак и как однажды прямо на тротуаре вдруг выросло дерево.

Но была дорога, на которую Сережа и Федя никогда не сворачивали. Она начиналась от заброшенной таверны и шла под уклон. А где заканчивалась, было неведомо.

Глядя на нее, Сережа занервничал и запустил руку в лохматую голову.

— Плохая эта дорога, — сказал он, — нехорошая.

— Почему нехорошая? — спросил Федя.

— Обещаешь не смеяться, если я скажу?

— Честное слово!

Подумав немного, Сережа произнес:

— Мне она снится по ночам.

— Снится?

— Ага.

Федя улыбнулся:

— Ну и что? И я вижу во снах поселок, и аллею с кустами, на которых растут свистульки, и старую башню с часами, возле которой танцует босоногая тетенька.

Сережа помотал головой:

— Не, ты не понимаешь!

— Тогда расскажи, — сказал Федя.

Оставив непослушные вихры в покое, Серый положил обе руки на руль и взглянул Феде в глаза.

— А че рассказывать, — пробурчал он. — Два раза один и тот же сон! Сижу я на велосипеде возле таверны и глазею по сторонам. Полдень, наверное. Солнце такое яркое,

аж глаза слепит, и на небе ни облачка. И мне делается очень-очень тревожно, когда смотрю на дорогу. Будто ведет она к чему-то кошмарному.

Федя во все глаза уставился на дорогу. Сощурился, будто это помогло бы ему рассмотреть то, что скрыто за поворотом.

— Страшно, аж колени трясутся, — продолжил Сережа, — а позвать пацанов не могу — поселок словно вымер весь. Ваще никого нет вокруг! Могильная тишина! И мне страхово, потому что... То, что обитает на той дороге, оно пугает. Там, за поворотом.

Он облизал кончиком языка пересохшие губы.

— Не надо нам туда ездить.

Интонация, с которой прозвучали эти слова, напугала Федю сильнее, чем рассказ. Он никогда еще не слышал от Серого умоляющих и даже плаксивых нот в голосе. Его друг вновь дергал себя за волосы, словно готов был расстаться с прядью на затылке.

— Даже во сне я не могу скатиться по этой дороге. Начинаю спускаться и просыпаюсь от страха. А в реальности я бы, наверное, ваще умер!

Он всхлипнул, но, стыдясь проявления слабости, сжал кулаки и нахмурил брови. Вдали послышался резкий паровозный гудок, и мальчики вздрогнули. Состав тащил по железной дороге цистерны, напоминающие сардельки. Однажды, когда они с семьей прогуливались неподалеку, Феде удалось разглядеть на сардельках треугольный значок с перекрещенными костями и черепом, который оскалился в злобной ухмылке.

— Здравья желаю! Инспектор ГАИ Петров. Как же ты так невнимательно водишь, парень?

Нервно барабанил пальцами по рулю, Федор сидел в отцовском «фольксваген-пассат». Левая фара была разбита, на бампере красовалась заметная вмятина. Он не сказал отцу, что взял автомобиль. Хотел прокатиться до автомойки и обратно, доказав родителям, что ему уже можно садиться за руль.

Дождавшись, пока мамы и папы не будет дома, взял ключи от машины, висящие в коридоре на крючке для одежды. Завести автомобиль получилось не сразу, дважды заглох, когда выезжал со двора. Прежде чем повернуть, убедился, что нет ни людей, ни бродячих собак, ни столбов. Повернул, и столб возник, как когда-то дерево перед велосипедом.

По руке растеклась неприятная ноющая боль. После аварии вышел из машины и ударил сгоряча столб, оцарапав до крови костяшки пальцев.

Заполняя протокол, гаишник заметил рану.

— Что с рукой? — спросил он.

— Пустяки, — выдохнул Федя. — До свадьбы заживет.

Пролетело время. Федя вытянулся, поэтому их пути с «Кузей» разошлись. Двухколесный друг остался стоять в гараже, покрываясь пылью, тускнея и живя одной лишь надеждой, что вот-вот его снова позовут колесить по колдобинам.

Папа купил Федьке новый велосипед по имени «Кама». То летнее утро выдалось жарким и солнечным, было приятно провести его у гаража. Папа доводил велосипед до ума, а Федя, допивая вторую банку «Спрайт», помогал ему. Мама звала обедать, но Федька нетерпеливо кричал:

— Не сейчас, мам! Мы заняты!

Отрегулировав руль и седло, накачали колеса. Затем на ручки руля прикрутили звонок и зеркало заднего вида. На раме закрепили бардачок, положили туда разводной гаечный ключ, шестигранник и мятую тряпку.

Закрыв бардачок и вытерев ладони о трико, папа заглянул в Федины глаза.

— Мне сказали, что тебя и Сережку опять видели по дороге к мусорной свалке.

Потупив взгляд, Федька выдавил:

— Ну...

— Не скажешь, зачем вы туда ходили?

Поняв, что папа не собирается его ругать, Федя поделился с ним тайной, которая принадлежала ему и Сереже:

— Мы машину хотим собрать.

— Машину?

— Да, автомобиль. Там много запчастей, на помойке. Уже нашли руль, четыре колеса, даже трубу выхлопную, прямо как у нашей машины, папа!

— Что же ты мне сразу не сказал, что вы заняты серьезным делом?

Федя почувствовал, как лицо заливается краской. Его вдруг очень заинтересовали шнурки на кедах.

— Боялся, что будешь ругаться, — сказал он. — А может, в угол поставишь.

— А я когда-нибудь ставил тебя в угол?

Поковыряв носком кеда асфальт, Федя помотал головой.

— Вот что, сынок... Заканчивайте по помойкам шататься. Небезопасно там, можно куда-нибудь провалиться или к злобным гномам на обеденный стол угодить. Чутко подрастешь, и я тебя посажу за руль нашей машины и расскажу, как она устроена.

— Классно! Скорей бы я уже вырос!

— Только одно условие.

— Какое?

— Давай мы пока не будем говорить маме о наших планах. Ни к чему пугать ее раньше Времени. Настанет подходящий момент — и расскажешь! А про твои походы на свалку лучше вообще молчать.

Папа повесил под седушку красный катафот, и «Кама» предложила рвануть в путешествие. Отдав папе пустую банку из-под газировки, Федя оттолкнулся от земли, нажал на педаль, усаживаясь в седло, и, вильнув рулем, отправился в путь.

«Кама» несла его по вымощенной брусчаткой улице, а набор инструментов побрякивал в бардачке. Феде казалось важным, что на велосипеде есть бардачок, а в нем лежат инструменты. В любую минуту он мог остановиться и сам приподнять или опустить седло. Мог сам закрутить ослабевшую гайку. Даже тряпка важна: можно с усталым видом вытереть руки после того, как поправил слетевшую цепь.

Разговор с папой придал ему сил. Федя вспоминал, как устало папа вытирал руки, когда ковырялся в капоте. Вспоминал, как папа мыл свой автомобиль у гаража, и хотел сегодня же вымыть велосипед. Хотел послушать музыку за рулем, как папа слушал в машине радио.

— «Русское радио» продолжает вещание! — голосил Федька. — Начинаем музыкальный концерт по заявкам! Как упоительны в России вечера-а-а!

Его лицо ласкал теплый ветер. Шелестя листвой, деревья приветливо махали ему зелеными ветвями, желая счастливого пути. Прогуливались редкие прохожие, глядя на которых Федька крутил педали быстрее, словно сообщая, что никому не угнаться за ним на своих двоих.

Он не заметил, как очутился рядом с заброшенной таверной. Ерзая на седле, он глядел на дорогу, которая уходила в неизвестность. Над головой сияло пронзительно-голубое небо, а под ногами плавился горячий серый асфальт. Федя сощурился от беспощадного солнца. Спроси кто-нибудь, зачем он приехал сюда, и он бы не смог ответить.

С «Кузей» он не решился свернуть на эту дорогу. Теперь под ним была «Кама», которая не прощала трусость. Если ехать туда, то именно в эту минуту. Промедление могло обернуться тем, что он передумает совершить маленькое путешествие и вернуться домой, так и не узнав, что скрывается за поворотом.

Поехал. Вначале катился с обычной скоростью. Затем, как следует покрутив педали и разогнавшись, поймал себя на мысли, что впервые ему удалось развить столь головокружительную скорость. Осторожно, впереди поворот!

Вдруг его настигло ощущение того, что вот-вот случится нечто ужасное, непоправимое.

Наступило затишье. Один только звук остался во всем мире, то был гулкий стук сердца в грудной клетке. Отчаянно вслушался в тишину. Вдруг кто-нибудь из взрослых окликнет его, зайдет лаем собака, машинист железнодорожного состава подаст гудок? Отсутствие звуков давило на барабанные перепонки, сжимало голову подобно тискам, но кричать от страха Федя не смел. Боялся, что собственный крик еще сильнее испугает его.

Воздух застыл, природа затаила дыхание. С крыши пятиэтажки взлетели голуби, и с ужасом Федя заметил, что крылья их замерли в неподвижности. Небо сделалось неестественно плоским, словно Федя оказался внутри картины.

Он застрял в бесконечности одного и того же мгновения. Все еще держал обе руки на руле, а обе ноги на педалях, со скоростью света летел по дороге вперед, но не мог сдвинуться с места. Сердце налилось свинцом. Больше не представлялось возможным сделать хотя бы вдох.

«Сейчас я погибну». Понял это столь отчетливо, что удивился, как же он раньше не сообразил. Ни один мускул не сигнализировал о предстоящей гибели, но душа его рвалась на части от неодолимого, первобытного страха, а разум был бессилен понять, насколько дольше долго заживающих царапин на теле может быть миг смерти.

Его руки упали на асфальт. Рядом приземлились ноги, с правой слетел ботинок. Собирая дорожную пыль, которая застревала в волосах, забивалась в ноздри и липла к губам, к Фединым конечностям катилась его голова. На свалку, все это отнесут на мусорную свалку как ненужное, утратившее свое назначение. Какая горькая участь: лежать среди мертвых безделиц на изнаночной стороне мира, пропитанной духом смерти и разложения.

Какой-то миг его не было, он перестал существовать. А затем...

Судорожно вздохнул. Думал, что уже не придется дышать. Каким-то чудом удалось нащупать в небытие спасительную мысль. Жив. Жив и все еще здесь, на пыльной дороге. Отыскал сначала одну ногу, потом и вторую. Неимоверным усилием воли вернул себе руки. Оперся ладонями о шершавый асфальт и медленно поднялся.

С каждым вздохом чувствовал все сильнее и сильнее, как тело наполняется болью, такой, какую он не испытывал никогда прежде. И все же заметил, как ожила природа. Воркующие голуби вернулись на крышу пятиэтажки, старый тополь задорно взмахнул зеленым чубом, а ветерок обдул Федины руки и ноги.

Опустил взгляд на колени и ладони. Капельки крови сочились из многочисленных ран и смешивались с налипшей на кожу крошкой дорожной пыли. Велик. На руле и раме виднелись царапины, зеркало отломилось, от катафота остались лишь стеклышки на асфальте.

Тогда-то Федя и заревел.

Заревел громко, отчаянно. Не только от боли. Он трогал царапину на руле, словно от его пальцев она могла затянуться. Думал, с какой заботой папа прикрутил зеркала, как бережно закрепил под седлом катафот. Федя подобрал каждый осколочек катафота, будто их можно было собрать воедино, завернул в тряпку и положил в бардачок.

— Тебя можно поздравить с настоящей аварией? — встретил его папа.

Немного прихрамывая, Федя брел ему навстречу, придерживая «Каму» за руль, катя велосипед рядом с собой. Увидев зареванное лицо, папа стал серьезен:

— Сильно ушибся? Покажи колени. Пустяки, до свадьбы заживет!

При чем тут свадьба? Почему не может зажить ко дню рождения? Он же так скоро, не то что какая-то свадьба.

Папа отвинтил крышку канистры, что стояла в гараже, и попросил Федю протянуть ладони. Федя послушался, и папа полил его руки чистой водой, смыв налипшую грязь и запекшуюся кровь. Затем очистил его колени. Раны щипало, но боль была пустяковой по сравнению с той, какую он пережил и какую еще предстоит испытать, когда мама начнет обрабатывать их зеленкой.

— Я в твои годы, знаешь, сколько расшибался на той дороге, что ведет от таверны? — сказал папа. — Зато теперь есть что вспомнить! Так что не унывай. Ничего страшного не случилось.

— А велосипед? Это не... не страшно? — выдавил Федька, всхлипывая.

— Конечно, не страшно! Починим «Каму», не переживай. Да велосипед — ерунда! Не жалея вещи — жалея людей. Вот лет через десять ты захочешь водить машину, сядешь за руль и, может быть, врежешься в какой-нибудь столб. Хорошо, конечно, если этого столба никогда не случилось бы.

Папа остался чинить велосипед, а Федька поплелся домой. По пути он как следует заплакал. Ведь как бывало: выплачешься, и на душе становилось свежо, как после дождя в летний день.

ОСУЖДАЮ!

Федор взглянул в зеркало, висевшее над раковиной. В отражении было гладко выбритое молодое лицо. В зеленых глазах горели огоньки, как это обычно бывало перед ответственным делом. Кудрявые темно-русые волосы были зачесаны назад и аккуратно уложены. Поправив прядку, торчащую у виска, высушил руки и покинул уборную.

Он шагал по длинному узкому коридору, и каблуки лакированных туфель отбивали дробь. Приходя в это здание, Федор каждый раз задумывался, насколько сегодня удача на его стороне, ведь предугадать развитие событий невозможно.

Зайдя в небольшой, пахнущий пылью зал, Федор огляделся. У стены громоздился длинный дубовый стол, из-за которого выглядывало массивное кресло, а справа красовался флажок с триколором. Рядом была трибуна, возле которой друг напротив друга располагались два стола. За каждым из них сидело по человеку.

Василий Петрович, крупный, коротко стриженный мужчина, сидел набычившись, мерил противоположную сторону тяжелым взглядом. Каждый его вдох и выдох сопровождался чуть слышным присвистом, будто он медленно закипал. Сергей Николаевич то и дело запускал руку в реденеющие волосы и не переставал нервно потрясывать ногой. Глаза его сутились, словно мелкие аквариумные рыбки.

Пройдя мимо Василия Петровича, Федор занял место рядом с Сергеем. Положил руку на плечо своему клиенту и произнес ободряюще:

— Успокойся, дружище. Правда на твоей стороне.

— Ведь были друзьями, пуд соли съели с ним, понимаешь? — пробормотал Сергей. — А теперь, гляди — нос от меня воротит.

Между бровями Василия пролегли заметные складки.

— Смотрю на твою ростовщичью морду, и кулаки чешутся, — протянул он.

— Скажи, в чем моя вина? — воскликнул Сергей. — Когда я тебе зло делал? Помнишь, ты нажрался на выпускном вечере, и я прикрыл тебя перед матерью? А как мы вместе обои клеили в твоей хате, помнишь? И неужто забыл, как прибежал ко мне

прошлым летом посреди ночи: «Сергея, выручай! Зуб болит — Христом-богом молю, вырывай!»

— Уж и не знаю, как продохнуть от твоей доброты, господин хороший!

В зал вошла судья. Под строгим взглядом серых глаз участники спора закончили перепалку и встали.

— Успокаиваемся, — прохладно сказала судья.

Раскрыла папку и стала читать:

— В судебном заседании рассматривается дело по заявлению Курьшева Сергея Николаевича к Цыплухину Василию Петровичу о взыскании денежных средств по договору займа...

Хмурясь, должник катал по столу ручку. На листах бумаги Федор выделял желтым маркером наиболее важные тезисы выступления. Его клиент продолжал нервно ерошить волосы.

— Давайте в игру какую-нибудь сыграем? — предложил взлохмаченный мальчуган и достал из кармана игральную кость. — У меня кубик есть. Из дома притащил.

— Покеж! — откликнулся Вася.

На раскрытой Серезиной ладони лежала белая игральная кость. Переливающиеся на свету грани были усеяны красными и синими точками. Васины глаза заблестели, он протянул было руку к кубику и поспешил заявить:

— Чур я первый хожу!

— А че это ты первый, а? — сердито буркнул Сереза.

Мальчики затеяли долгий спор. Не дожидаясь, пока он перерастет в драку, Федька окликнул воспитательницу.

— Раз уж Сереза кубик принес, ему начинать, — рассудила Татьяна Николаевна.

Она с укором посмотрела на Васю серыми глазами. Показалось, Вася с трудом пересилил желание ответить ей что-нибудь дерзкое.

Взяв с полки настольную игру, мальчишки уселись на мягком ковре. Каждый сделал по несколько ходов. Фишки двинулись по белым клеточкам, что соединялись на игровом поле в змейку.

Ребячий взгляд был прикован к фишкам соперников — как бы не проиграть! Васька хмурил пушистые, похожие на гусениц брови и напряженно сопел. Чуть высунув кончик языка, Серезка пытался прикинуть, сколько ходов нужно сделать, чтобы финишировать первым. Федя поднимал зажатый кулак с кубиком высоко над головой, а затем разжимал пальцы. Игральная кость падала и отскакивала от ковра.

Вскоре фишка Феди очутилась на синей клетке.

— Что это за клетка? — спросил Вася.

— Если количество очков на кубике больше четырех, то можно сходить еще на десять шагов вперед, — с важным видом пояснил Федя. — А если меньше, остаешься на месте.

Он посмотрел на игральную кость. Выпало два очка. Вопросительно взглянул на мальчишек. Они ответили недоуменным взглядом.

— Ну и че больше: два или четыре? — почесал в затылке Сереза, отчего непослушные вихры стали топорщиться сильнее.

— Мне кажется, два чуть-чуть больше... — неуверенно произнес Федька. — Может, Татьяну Николаевну позовем?

— Не надо, — возразил Сереза. — Давайте считать на пальцах.

Федька зажал руку в кулак и разогнул указательный и средний пальцы:

— Два.

Снова стиснул кулак, а потом оставил согнутым только большой палец. Остальные показал игрокам:

— А это четыре.
— Ну, вроде четыре больше двух, — подытожил Вася. — Значит, стоишь на месте. Фишка осталась на синей клетке.

— Итак, размер процентов по договору не превышает взимаемые проценты по таким же договорам, а значит, не является чрезмерно обременительным. Считаю, что ответчик должен выплатить истцу всю сумму долга вместе с процентами.

Федор закончил речь. Сергей Николаевич одобрительно кивнул представителю, а затем покосился на Василия, чье широкое лицо пошло бордовыми пятнами.

— Представитель истца, у вас все?
— Да, уважаемый суд, — ответил Федор.
— Присаживайтесь.

— А я вот не понял насчет размера процентов! — вспыхнул Василий Петрович. — Как это «не является обременительным»?!

Судья обдала его строгим взглядом.

— Ответчик, суд не давал вам слова, — заметила она.
— Да он меня без штанов хочет оставить! Грабит средь бела дня!
— Не нарушайте порядок в зале суда!
— Но как же можно...
— Ответчик, вы суд уважаете?
— Я уважаю, ваша честь, но...
— Тогда прошу вас успокоиться, иначе вы будете удалены из зала.

Однако Василий уже закусил удила. Румяное лицо его исказилось, он захлебывался словами:

— Да он, мерзавец такой, заверил меня, когда мы в бане на Новый год вместе парились, что даст деньги под полпроцента, а потом, на трезвую голову, указал в договоре десять! А я подмахнул не глядя, потому что голова раскалывалась... вернее, потому что доверяю этому гаду... точнее, доверял. А он обманул меня! Обокрал!

Затем Василий Петрович наградил оппонента непечатным эпитетом, означающим человека низких моральных принципов. Федор сдавленно охнул, судья округлила глаза, а секретарь заседания, разинув от удивления рот, почесала в затылке, словно раздумывая, стоит ли заносить это в протокол.

Сергей Николаевич не стерпел оскорбления. Опрокинув стул, он выскочил из-за стола и кинулся на должника с кулаками.

Понимая, что дело принимает нежелательный оборот, Федор поспешил разнять дерущихся. Но вдруг краем глаза заметил в углу знакомую фигуру. То было существо странное, навевающее тревогу всем своим естеством. Он видел его много раз, но и представить не мог, что они повстречаются в зале суда.

Вася сделал ход, и фишка оказалась на черной клетке. Цвет ее не сулил ничего хорошего, и мальчик нахмурился.

— Что это за фигня? — спросил он.
— Я знаю, что значит эта клетка! — воскликнул Федя. — Надо вернуться на старт!
— На старт?! — Вася даже взвизгнул от возмущения. — Не считово! Меня Серый пихнул, когда я кубик бросал! Я перекину.

— Кто это тебя пихнул, а? — Сережа повернулся к соседу. — Че ты врешь, Головастик?

Сережа подметил верно. Васина голова и впрямь была чуть больше, чем нужно столь худенькому и невысокому мальчику. Сначала Федя думал, что у головастого большой ум, но потом убедился — только дурное поведение.

Лицо Васи залилось краской.

— Головастик?! Ты сам Головастик, понял?!

Федя заметил, что позади мальчишек появился до жути странный низкорослый мужчина. Он был в черных ботинках на платформе с высоким каблуком. Так карлик казался выше. Аккуратный строгий пиджак и туго завязанный серый галстук создавали впечатление человека серьезного, не склонного к веселью и развлечениям. Однако то, что было у чужака вместо головы, удивило Федьку больше всего.

Из ворота накрахмаленной рубашки выглядывал чайник, выкрашенный бордовым цветом. Холодный металл поблескивал в свете ламп, из неплотно закрытой крышки сочилась тонкая струйка пара. Похожий чайник, только бесцветный, стоял на плите дома у Феди.

Незнакомец запустил короткопалую руку во внутренний карман пиджака и выудил оттуда красную скакалку. Расправив ее, коротышка совершил быстрый прыжок, и каблуки его туфель опустились на линолеум с громким стуком.

В тот же миг Вася с силой толкнул Сережу. Человек со скакалкой прыгнул еще раз. Сережа не остался в долгу и как следует отвесил тумака обидчику.

Прыгун, именно так Федя прозвал незнакомца, продолжал прыгать, разгоняясь все быстрее и быстрее. Туфли отбивали дробь, галстук подлетал и опускался, а из носика валил густой серый пар. Ребята дрались ни на жизнь, а на смерть. Каждый из них был готов если не вырвать клоч волос у неприятеля, то расцарапать лицо до крови.

Воспитательница поспешила вмешаться:

— Цыплухин! Курышев! Это что за безобразия?! — Татьяна Николаевна разняла драчунов и взглянула на их красные лица. — Только драки нам не хватало! Сейчас же миритесь.

Казалось, воспитательница требовала невозможного. Сережка и Васька буравили друг друга взглядом, полным горячей обиды.

— Я что, на непонятном языке говорю? — продолжила Татьяна Николаевна. — Ну-ка, Вася, пожми Сереже руку.

Она взяла его руку и протянула к Сережиной руке. Затем соединила их и потрясла.

Федька пристально следил за Прыгуном, что стоял за спиной воспитательницы. Сложив скакалку, коротышка спрятал ее в полах пиджака. Затем приподнял крышечку чайника на манер шляпы, насмешливо поклонился и был таков.

— Мирись-мирись и больше не дерись. Еще раз увижу, что деретесь — обоих в угол поставлю.

Его появление всегда сопровождалось неприятным инцидентом, будь то скандал или драка. Стоило Прыгуну взяться за красную скакалку, люди словно утрачивали человеческий облик. Лица родных, приятелей и знакомых искажались в гримасе ненависти. Им не терпелось почесать кулаки, и никакой голос разума не мог убедить их умерить пыл.

Позапрошлой весной гуляли на свадьбе Леша, двоюродного брата Федора. Жениху показалось, что один из приглашенных друзей как-то неправильно посмотрел на невесту. Долго не думая, Алексей перелез через стол и, схватив гостя за лацкан пиджака, принялся раздавать ему удары. В драку вмешались и остальные. Даже невеста не осталась в стороне. Подоткнув подол платья и отшвырнув фату, девушка ринулась в гущу событий. Острыми кулаками колотила по спине кого придется, выкрикивая с надрывом: «Леша, ну че ты опять начина-аешь?!»

Попыхивая густым паром, человек с чайником вместо головы прыгал на скакалке и, казалось, искренне радовался происходящему. Закончил он, когда жених разбил вдребезги чайный сервиз, подаренный мамой невесты молодоженам.

Летом ходили на футбольный матч. Екатеринбургский «Урал» играл против московского «Спартака». Ничья по итогу игры не устроила никого из болельщиков. Не покидая трибун, разъяренные парни молотили всех, на ком виднелась символика команды противника.

Присмотревшись, Федор увидел того, кого и ожидал. Скакалка лихо вращалась в коротких руках Прыгуна. Неизменные туфли на высоком каблуке оставляли глубокие вмятины на газоне. Бордовый чайник выглядел раскаленным, готовым лопнуть в любую минуту.

Таким же он был и сейчас, когда Федору пришлось разнимать друзей. Судья грозила вызвать охрану, если участники судебного спора не утихомятятся сию же секунду. Протирая очки краешком блузки, секретарь заседания смотрела на происходящее во все глаза, будто показывали цирковое представление.

Замедляя темп, Прыгун останавливался. Василий Петрович плюхнулся за стол. Принялся с багровым лицом крутить в руках авторучку и сверлить истца с представителем взглядом. Нервно поправив галстук и пригладив растрепавшиеся волосы, Сергей Николаевич опустил на стул и выдохнул:

— Да уж... да уж...

Выдержав паузу, судья произнесла убийственно ледяным тоном:

— Уважаемые истец и ответчик! Я требую проявлять взаимное уважение, вы находитесь на судебном процессе! Еще одна подобная выходка, и я оштрафую каждого из вас, ясно?

— Да, — буркнули участники спора.

Федор заметил, как судья на мгновение закатила глаза. Перевел взгляд в угол, где был Прыгун. Коротышка испарился, словно его и не было.

— Чей ход? — спросил Вася.

Ему выпало пять. Но впереди оказалась засада: на пятой клетке нужно пропустить ход. И мальчик резко передвинул фишку будто бы на пять клеток вперед, однако нехорошую клетку проскочил, остановившись на ближайшей за ней.

— Эй! Ты должен был встать на эту клетку, — сказал Сережа, — а ты ее пропустил! Думаешь, самый хитрый?

— Ну, извините, — проворчал Вася. — Я перепутал, сколько очков на кубике нарисовано.

— Внимательней нужно быть! — назидательно произнес Федька.

Игра подошла к финалу. Сережина фишка угодила на красную клетку, и игрока отбросило на десять шагов назад. Серый расстроился и запыхтел, словно паровоз. Сказал, пускай Федя победит за него.

Остались Федя и Вася. От финиша Ваську отделяла всего пара клеточек: выбросит два очка или больше — и выиграет. А Федьке до победы нужно было выкинуть шесть.

Васька с надеждой зажал в кулаках игральную кость. Бросил.

Один.

— Да бли-ин! — протянул он.

Нехотя передвинул фишку на один ход и остался стоять в шаге от финиша.

Федька хорошенько потряс игральную кость в кулаке, прежде чем бросил на игровое поле. Кубик прокатился через все поле и замер возле сандалика Васи.

Шесть.

И Федя с наслаждением поставил фишку на клетку победителя.

— Суд постановил: требования Курышева Сергея Николаевича к Цыплухину Василию Петровичу о взыскании денежных средств по договору займа удовлетворить, взыскать сумму основного долга и проценты по договору.

Василий Петрович заерзал. Уставившись на судью, ослабилась в улыбке и произнес голосом елейным и необычайно тихим:

- Маленький вопросик можно?
- Суду вопросы не задают, — отрезала судья.
- Просьба.
- И не просят.

— Тогда комментарий, — продолжая широко улыбаться, Василий Петрович как-то вдруг сжался, ссутулился, тем самым напомним Федору мальчика, который однажды проиграл в настольную игру. — Я не специалист, поэтому мне тяжело.

Судья взглянула на него поверх очков:

- Для участия в процессе вы имели право нанять представителя.
- Дело тонкое, — протянул Василий, — иной раз даже представитель может не выиграть дело до конца...

Сергей Николаевич прыснул. Подскочив на стуле, Василий Петрович стал бурлить Сергея взглядом:

- А чего ты смеешься?! Это почему? Зачем так?
- Да так и скажи, что денег на представителя зажал! Жаба задушила, да?
- Но я же над тобой не смеюсь!

Потеряв терпение, судья стукнула кулаком по столу.

— Безобразно себя ведете! — сказала она. — Никакого уважения, никакой культуры спора! Если вы еще раз попадете ко мне на процесс, я церемониться не буду. Сразу подвергну вас штрафу.

Василий Петрович так стиснул губы, что они превратились в тонкую нить. Он сломал пополам авторучку.

- Судебное заседание окончено!

Судья захлопнула папку с документами и встала из-за стола. Но прежде чем выйти из зала, обернулась и вздохнула.

— Я всегда предлагаю сторонам помириться, всегда! — сказала она чуть менее строгим тоном. — Но в вашем случае это было бы пустым сотрясанием воздуха.

Собрав со столов бумаги, участники спора вышли из зала. В гардеробной Василий Петрович посмотрел на Федора.

- Так нечестно, — сощурился он.
- Что «нечестно»? — не понял Федор.
- Ты выиграл.
- Ну да...
- А должен был выиграть я!

Федор и Сергей Николаевич переглянулись. Василий Петрович заявил, что больше с Сережей и Федей играть он не будет, потому что они играют нечестно. И топя нарочито громко, заемщик покинул дом правосудия.

КУКЛЫ НЕ СПЯТ ПО НОЧАМ

По горной гряде с автотрассой неслись два автомобиля. Желтый кабриолет мчался впереди. Высунув кончик языка, Федя жал педаль газа и напряженно сопел. В зеркало заднего вида он следил за догоняющим его зеленым пикапом, в котором сидели вооруженные до зубов разбойники. На бритых головах повязаны черные банданы, по загорелым рукам расплзались вытатуированные питоны.

Из пикапа выглянул бандит и дал автоматную очередь. Кабриолет чудом увернулся, едва не сорвавшись в кювет. Сплюнув, разбойник грязно выругался. Услышь мама

эти слова, и головорез выговором за плохое поведение не отделался бы. Часовое стояние в углу комнаты стало бы самым мягким наказанием.

Стрельба раздалась вновь. Двигатель кабриолета взревел, как стадо гиппопотамов, и желтый автомобиль оторвался от преследователей.

На обочине стояла мама и шурилась от яркого солнца. Выйдя на проезжую часть, спросила:

— Хочешь братика или сестренку?

— Хочу! — крикнул Федька из автомобиля.

Вот-вот он сорвется в ущелье. Нужно отпустить педаль газа и притормозить. Но тогда негодяи настигнут его! Как быть?!

— А кого больше?

Кабриолет рухнул в пропасть. О, это ощущение стремительного падения! Земля под ногами грозила обрушиться на твою голову всей своей твердостью. Уши заложило, к горлу подступила легкая тошнота.

В небе тут же зашумел вертолет: подмога вылетела на помощь.

— Братика.

— Скоро у тебя появится братик, — сказала мама. — Как нам с папой его назвать? Что думаешь?

— Может, назовем его Алан? — предложил Федя.

Мама сделала большие глаза:

— Что это за имя такое иностранное? Несладко придется ребенку в нашем поселке. Давай что-нибудь менее... экзотичное.

Жаль. Не захотела мама, чтобы братик родился сильным и храбрым, как главный герой «Джуманджи». Но еще в фильме был маленький мальчик. Он помогал Алану сражаться со злом.

— Есть еще хорошее имя — Питер! — подумал и сказал Федька.

Наступили выходные, и Федю отправили в гости к бабушке Вале. Он рассказал ей о новых машинах зеленого и желтого цветов. Потом спросил, какие веселые случаи приключились у нее на работе. На все она ответила невпопад, затем замерла на пару минут у окна, села в кресло и о чем-то задумалась.

От нечего делать Федька листал букварь. Буквы в нем держали друг друга за ручки, бегали и плясали на тоненьких ножках. Рядом вышагивали точки, запятые, знаки вопросительные и восклицательные.

Федя спросил:

— Тебе какой знак больше нравится: вопросительный или восклицательный?

Баба Валя посмотрела на него так, словно впервые увидела. Всплеснув руками, воскликнула:

— Боже мой! У тебя братик вот-вот родится, а ты всякие глупости спрашиваешь!

Пожав плечами, Федя перевернул страницу. Он заметил, как в букваре зашевелилась гусеница. Светло-зеленая, до того крохотная, что ее можно было принять за козявку из носа.

Федька взял ее большим и указательным пальцами, чтобы лучше разглядеть. Подушечки пальцев ощутили мякоть, вялое тельце с легким бесцветным пушком. Поразмыслив, он посадил гусеницу на плечо. Она словно прилипла к нему, и стало ясно, что по дороге домой он не потеряет ее.

Наступил день, когда семья собралась у манежа в спальне мамы и папы. Бабушки, дедушка, тетя Наташа позабыли обычную речь. Слова растянулись, будто ириски. Голос засахарился.

— Здра-авствуй, ма-а-аленький! — пропел дедушка, будто сироп разлил.

Подойдя к ним, Федя заглянул в манеж. Внутри лежала... кукла! Обычная кукла, «пупс». Таких полно в магазинах. Он всегда шагал мимо этих игрушек, недоумевая, кому может быть интересно возиться с никчемной безделицей. Сидят неподвижно, на все расспросы отвечают молчанием и все время таращатся на тебя пустыми немигающими глазенками. Бр-р-р, жуть! Другое дело, к примеру, машинки и вертолеты на пульте управления, паровозик с железной дорогой, которую можно собирать и разбирать. За этими играми не замечаешь, как пролетает вечер.

Его мама и папа считали иначе. Из всех возможных сокровищ, продающихся в магазинах, остановили выбор на глупой кукле. Игрушку родители вырядили в голубенькую распашонку, ножки обули в пинетки, а затем положили в манеж.

Родные долго крутились возле детской кровати. Федя хотел поговорить с ними, поделиться новостями. Но в ответ слышал «не сейчас», «подожди», «нужно малыша переодеть».

Федя спросил у мамы, почему твердый знак — твердый, а мягкий знак — мягкий. Мама не обратила на него внимания. Не услышала или же сделала вид, что не слышит. Взяв куклу на руки, она прижала ее к груди и вышла в соседнюю комнату. Федька остался стоять в одиночестве.

Тогда-то гусеница и обожгла его. Охнув от боли, Федя во все глаза посмотрел на нее. Существо на плече увеличилось. Волоски на тельце проступили отчетливее и теперь напоминали ресницы. С удивлением он отметил, что гусеница пульсирует в такт биению его сердца. Незаметно, словно жизнь едва-едва теплилась в ней, но все же она пульсировала.

Федя ушел в спальню и закрыл дверь. Кажется, никто не обратил на него внимания. Присев на кровать, он бережно снял гусеницу с плеча. Осторожно положил на ладонь.

«Им некогда. Они заняты с *ним*», — услышал он.

«А я? Неужели теперь *он*, а не *я*?»

Гусеница не ответила.

На глаза навернулись слезы. Привычный жизненный уклад в одночасье был осквернен, порушен и растоптан кукольным башмачком. Проклятая кукла являлась всему виной. Они с папой и мамой жили хорошо без нее, чтоб ей пусто было!

Федька забрался в пещеру. Стало душно, темно и очень-очень одиноко, но он набрался решимости не вылезать из пещеры всю жизнь.

«Состарюсь здесь и умру, — всхлипнул он перед гусеницей. — Да-да, умру! Посмотрим тогда, как все запоют. А может — никому не будет до меня дела?..»

До его ушей донесся стук в дверь.

— Можно? — услышал он бабушкин голос.

Баба Валя приоткрыла дверь и зашла в спальню. Федя забрался глубже в темный коридор пещеры. Пусть попробует вытянуть из него хоть слово. Предательница. И все они — предатели.

— А мы тебя потеряли.

Он промолчал. Подойдя ближе, бабушка присела рядом с пещерой.

— Это нормально, — спокойно сказала она. — То, что ты чувствуешь, — нормально. Думаешь, что о тебе все забыли? Что ты никому не нужен? Это совсем не так.

— Почему?

Слово это вырвалось помимо его воли, не успел он прикусить язык и смолчать.

— Мы по-прежнему тебя любим. И не перестанем любить. Но посмотри на своего братика. Он такой маленький. Такой беззащитный. Ему сейчас требуется больше внимания. Кто о нем позаботится?

Федя переваривал услышанное. Думал, размышлял. Решив, что бабушка говорит правду, не стал таить на нее обиду.

Посидев еще какое-то время в темноте, он вытер глаза кулаком и покинул пещеру. Баба Валя вернулась к детской кроватке, а Федя уселся на ковер. Подобрал с пола альбом и цветные карандаши, принялся рисовать гусеницу.

«Пускай себе радуются, — сказал он ей, — а я играть с ними в куклы не буду».

Вскоре гусеница уснула, свернувшись калачиком рядом с альбомным листом.

Бабушки и дедушка заходили в гости чаще, чем раньше. Клади в манеж новую погремушку, давали маме и папе советы, как обращаться с пупсом. Заглядывала и тетя Наташа. Мамина сестра брала игрушку на руки и восклицала, что кукла пытается стянуть с ее носа очки.

Они гуляли вместе. Шагая впереди, Федя держал в руках пушистую ярко-зеленую гусеницу размером с отцовский кулак. Позади мама и папа толкали коляску, не сводя взгляд с того, что лежало внутри. По аллее встречались друзья мамы и папы, заглядывали в коляску и умилялись: «Какой хорошенький! А глазки-то какие! Ой, смотри, улыбается!»

В такие минуты Федя садился на скамейку, ожидая, пока родители наговорятся с приятелями. Он выпускал гусеницу из рук и смотрел, как она ползает по асфальту, лезет на скамью и оттуда, вытягиваясь во всю длину, перебирается к сочным кустам акации.

Родители включали телевизор все реже, опасаясь, что кукла испортит глаза. Вместо этого слушали музыку на аудиокассетах. Девичий дуэт пел о том, как не понятые родителями девушки убежали прочь из дома — туда, где их никто не найдет и никто не догонит.

Кукла повторяла звуки, которые слышала, словно в нее был зашит диктофон:

— Ла-а-а! Ла-а-а!

Улыбаясь, родители говорили:

— Певцом будет!

За стеной его комнаты пупс заливался плачем, и было слышно, как теряет терпение мама: «Да уснешь ты сегодня, в конце концов?!» Не прекращался еженощный заунывный гул. Звук был такой, будто забыли выключить пылесос. Неделя за неделей Федя усваивал одну истину. Куклы не спят по ночам.

Закрыв уши ладонями, Федя посмотрел на силуэт гусеницы, что улеглась рядом с ним на кровати. Существо было уже размером с кошку. От нее исходил тошнотворный запах, напоминающий вонь горелого пластика. Высунув руку из-под одеяла, Федя провел рукой по щетине, которая покрыла мясистое тело. Черная, будто вымазанная гуталином, щетина была колючей и жесткой. Гусеница заурчала от удовольствия, неприятная и омерзительная до последнего волоска. Низкий утробный звук внушил тревожное чувство надвигающейся гибели, будто бы этой ночью она съест его живо. Но почему-то он погладил еще раз... и еще...

Не в силах отвести руку в сторону, он гладил жирную спину чудовища, горячую, обжигающую до красноты ладонь. Лишь убаюкав его, он смог погрузиться в сон.

День выдался теплым и солнечным, слышались щебетание птиц и шелест листьев. Лучи пробились через кухонное окно и осветили вазу с конфетами на столе. Взяв яблочную карамель, Федя сунул ее в рот. Фантик он бросил на стол рядом с вазой.

Кукла сидела на диване. Рядом был плюшевый медвежонок, с которым Федя когда-то дружил. Бывало, что Федька засыпал в обнимку с Балу — так звали медведя. Показалось забавным, что обе игрушки примерно одного роста. Может даже, мама и папа купили их в одном магазине.

Хлопая глазками, пупс щупал Балу и не замечал ничего вокруг.

«Давай, — прошипела гусеница. — Сделай».

«Будет смешно?» — спросил Федя.

«Не знаю, — ответила гусеница. — Ты этого хочешь».

«Что я скажу маме и папе, если будут ругаться?»

Гусеница промолчала.

Поколебавшись немного, Федя пошел на кухню. Там он подобрал фантик, затем вернулся в гостиную и засунул его за шиворот кукольной распашонки. Кукла потеряла спокойствие. Фантик мешал ей. Пупс тянул ручонки за спину, запрокидывал голову, но не мог сам избавиться от мусора в одежонке.

Он видел все это и молча рассасывал карамель.

Перед сном мама и папа сняли распашонку с куклы. Нашли фантик. Когда пупса уложили в кроватку, папа подошел к Феде.

— Чтобы больше такого не было! — сказал рассерженный отец. — Он тебе не игрушка! Это живой человек!

В семье было принято целовать Федю перед сном. Но этим вечером папа не наклонился и не поцеловал сына, а молча ушел в спальню, закрыв за собой дверь.

Федя замялся у двери в комнату. Он будто почувствовал ужасный запах, исходивший от плоти чудища. Словно под властью какого-то наваждения, услышал его утробный гул. Стоило закрыть глаза, и в памяти появлялось длинное щетинистое пульсирующее тело. От этих мыслей Федька содрогнулся.

Существо, которое обитало в спальне, теперь внушало ужас. Даже одним глазком сквозь полузакрытые веки он не сможет больше взглянуть на ядовито-зеленую дрянь.

Набравшись смелости, Федя заглянул в комнату. Удалось различить в темноте силуэты письменного стола, шкафа и кровати, но понять, где затаилась гусеница, было невозможно. Простояв в дверном проеме с минуту, не нашел ее. Исчезла.

Но в углу комнаты под потолком было...

На цыпочках Федя прошел в глубь комнаты и остановился. Под потолком висело нечто, напоминавшее то ли мешочек, то ли большую перезрелую грушу. Став куколкой, гусеница бесшумно покачивалась вперед и назад.

Федя лег на кровать и закрыл глаза.

Он стоял посередине комнатки, стены которой состояли из разноцветных стеклышек, складывающихся в причудливые узоры. Потолка не было, вместо него сияло жемчужной белизны свечение. Не было и дверей, Федька легко проходил сквозь витраж. Босыми ногами ступал по выложенной на полу плитке, изрисованной мелкими. От рисунка в виде кошачьей мордочки прыгнул на изображение хвостатой мартышки, а от него — к наброску золотой рыбки.

Сюда Федя приходил, когда ему хотелось подумать или побыть одному. Это была его Стекланная комната.

В эту минуту в ней слышались слова знакомой песни. Ее пела ему бабушка. Баба Валя рассказывала, что выучила слова когда-то давно, в пионерском лагере. Федьке нравилась песенка. Хотелось слушать еще и еще, потому он сам не заметил, как запомнил ее наизусть.

Федя почти заснул, когда по шкафу с игрушками неспешно покатился пикап. Доехав до края полки, зеленый автомобиль на мгновение остановился, а затем упал на ковер.

Следующим вечером Федя заглянул в спальню мамы и папы. Младенец лежал на родительской кровати, а мама стояла у гладильной доски с распашонками и пленками. Федя прилег рядом с братом и почувствовал сладкий молочный запах.

— Привет, маленький...

Младенец смотрел на мир широко распахнутыми глазами, будто бы удивлялся чему-то. Пряничный ротик расплылся в улыбке. Малыш пустил слюни и захрапел.

Расскажите-ка, ребята-бята-бята,
Жили в лагере мы как, как, как
И на солнце, как котят-тята-тята,
Грелись эдак, грелись так, так, так.
Наши бедные желудки-лудки-лудки
Были вечно голодны-дны-дны,
И считали мы минутки-нутки-нутки
До обеденной поры-ры-ры.

Они лежали вместе — он и его младший брат Шурик. Федя допевал ему бабушкину песню и начинал вновь. Любовался улыбкой маленького человека и видел, как над ними порхала прекрасная бабочка.

КАРАМЕЛЬ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Они собирали мозаику. Картинка из разноцветных фрагментов складывалась в узор. Желтый стыковался с красным, синий — с зеленым. Орнамент выходил таким же красивым, как на стенах Стеклопанной комнаты.

Она становилась гостьей там, куда Федя никого не пускал. Он ходил в детский сад без прежнего недовольства. Вставал спозаранку, молча кутался в теплые одежды и выходил на мороз. Засунув руки в карманы пуховика, брел мимо сараев и гаражей по скрипучему снегу. Зима щипалась за щеки, и свет фонарей едва разбавлял темные уличные краски.

В раздевалке группы возле голубого шкафа его встречала девочка. Взяв его за руку, вела в Комнату.

Прическа девочки напоминала ему шапочку желудя. Он прозвал девочку Орешком.
— Погуляем чуть-чуть? — предложил Федя.

Орешек кивнула, и мозаика развеялась у нее в руках. Вдвоем прошли по каменным плиткам, изрисованным цветными мелками. Путь сквозь витраж заканчивался туманом.

Марево было одновременно плотным и легким, позволяющим ясно видеть сквозь дымку. Туман светился розовыми и апельсиновыми лучами рассвета. Неизвестно, где начинался он и где заканчивался. Федя чувствовал карамельный аромат. Такой же запах был у шампуня, который не щипал глаза. Веяло чем-то еще, знакомым, вроде бы зубной пастой «Дракоша» с клубникой.

В месте этом становилось хорошо, спокойно. Хотелось гулять еще и еще. Только вот глаза девочки всегда печальны, и Федя думал, чем порадовать Орешка, какой поделиться смешинкой и как впечатлить ее.

Однажды он вдохновился совершить какой-нибудь подвиг. Едва подумав об этом, он вдруг увидел, что в тумане появились качели.

— Можешь лизнуть эту железяку? — тут же спросила Орешек.

— Зачем?

— Плосто так. Лади меня.

Он посмотрел на качели и перевел взгляд на Орешка. В глазах девочки плясали хитрые огоньки.

— Зачем? — повторил он.

— Если хочешь со мной иглать, то лизнешь!

Он прикоснулся кончиком языка к ледяному металлу. В то же мгновение стало ясно, что качели просто так не отпустят. Федя боялся лишний раз двинуться, даже вздохнуть не решался. Одно неуклюжее движение, и примерзнешь сильнее.

— Ха-ха-ха! — залилась смехом она.

В тумане возникла игровая площадка. Посередине возвышался теремок, радостно сверкая красной крышей. Из голубых ставень окна выглядывали счастливые детские лица. Хохоча и вереща от восторга, трое девчонок скатывались с покрытой наледью горки. Рядом пара мальчишек висели на турнике-рукоходе, которым была растущая из земли железная радуга. Следуя за ребятами по пятам, воспитатели присматривали за ними, напоминая больших наседок. Нужно лишь крикнуть о помощи, однако Федька не хотел показаться слабаком перед Орешком. Одновременно его распирал страх: вот-вот ребята из группы увидят, в каком неловком положении он оказался, подойдут и станут смеяться.

Не выдержав таких мыслей, Федя дернул головой. Заметив кусочек кожи, оставшийся на качелях, широко распахнул глаза от боли. Он потерял частичку себя, маленькую, как деталь мозаики. Частичку, которую даже увидеть не мог, как бы далеко ни пытался высунуть язык.

Игровая площадка, ребята и воспитатели из его группы рассеялись, словно мираж. Теперь все беспокойство сводилось к железному привкусу, что появился во рту.

— Фу! Не надо было так делать, — пролепетала Орешек испуганно. — Я пошутила, а ты! Совсем шуток не понимаешь?

Если бы кто-нибудь спросил Федю, давно это было или недавно, он ничего не ответил бы. Времени — глупой выдумке взрослых — не было места в тумане, где гуляли он и она.

Запустив руку в карман штанов, Федька нащупал львенка. То была игрушка из киндер-сюрприза, с которой он не расставался.

— Покажи своего львенка, — сказал он.

Услышав эти слова, девочка покраснела так, что даже крохотная родинка на ее щеке затерялась в сплошной алой краске.

— Дулачок... — прошептала она.

Федя вопросительно заглянул в ее лицо. Он заметил, как она замялась, потербила платьице и прикусила губу. Оглядевшись, словно проверяя, есть ли в тумане, кроме них, еще хотя бы одна живая душа, вытащила из кармана платьишка яйцо киндер-сюрприз и раскрыла его. Внутри ничего не было.

Федька замер потрясенный, губы его выгнулись буквой «О». Девочка закрыла яйцо и поспешила спрятать. Федя не нашелся, что ей сказать, а потом долго размышлял в Стеклойной комнате о том, что случилось. Картинка пустого яйца не выходила из головы.

— Ты чего такой задумчивый? — услышал он голос мамы снаружи.

Тем вечером Федя не вышел из Комнаты. Не найдя слов, чтобы рассказать маме об увиденном, хранил тягостное молчание. Без аппетита поужинал и, посмотрев перед сном какой-то неинтересный мультик, рано отправился спать.

Они вновь гуляли в оранжево-розовой дымке. Любуясь рассветным туманом, Федя переживал, что и туман, и рассвет когда-нибудь кончатся. Кто-то взрослый сказал ему, что у всего есть свое завершение. Однако здесь, в этом месте, он убеждался в неправоте этих слов.

— Почему ты такая грустная? — спросил он.

Девочка будто не слышала, и Феде казалось, что спрашивал ее лишь мысленно. Он с замиранием сердца глядел на нее, пытаясь понять. Опустив голову, Орешек крутила цветные фрагменты мозаики в руке. Она повернулась к нему, и он увидел в ее глазах какую-то особую печаль. Он смотрел и смотрел в ее глаза, манящие непостижимой тайной, и осознавал бесполезность любых слов.

Наклонившись, Федя прильнул губами к ее щеке.

И не смог объяснить себе — зачем. Он видел, что так делают взрослые: мама и папа, незнакомые дяди и тети на улице, в кино и сериалах. Когда тетенька с дяденькой на экране тянулись друг к другу, папа косился на пульт, а мама переводила беспокойный взгляд с телевизора на Федю. Становилось не по себе, ведь в этом заключалась какая-то тайна, а разгадкой делиться с ним не хотели.

Испуганно пискнув, Орешек убежала, и Федя остался один. Туман исчез, стало темно, неуютно, оттого он поспешил затаиться в Стеклопанной комнате.

Вечером в его квартире позвонил телефон. Сначала мама пообщалась с кем-то на том конце провода, потом вместе с папой о чем-то поговорили на кухне.

— Федя, подойди к нам, — услышал он, — разговор есть.

Федя вышел в гостиную. Мама и папа сидели на диване и улыбались. Ему сразу не понравилось выражение их лиц. Родители всем своим видом будто кричали Федьке: «Смотри! Мы узнали такое, о чем ты нам ни за что не рассказал бы!»

— Присядь, — попросил папа.

Федя сел на диван. Перед лицом возник папин кулак, на безымянном пальце которого сверкнуло кольцо.

— Видишь? — спросил папа. — Оно называется «обручальное». Когда вырастешь, я отдам это кольцо тебе.

Не сводя недоуменный взгляд с украшения, Федька хотел было задать вопрос, но папа предвосхитил его:

— Вы с той девочкой станете мужем и женой, как мы с твоей мамой. И будете целоваться, сколько хотите. А пока тебе рано бегать за девчонками.

Теперь же Федька смотрел на кольцо в испуге, чувствуя, как по телу волной растекается ледяной ужас. То, что он гулял в тумане, было большим секретом. Никому-никому нельзя было знать про то место, особенно родителям. Ведь иначе все не будет, как раньше. Придется им собирать не мозаику, а белье в стирку, как мама и папа. Будут вести взрослые скучные разговоры, сидя у телевизора, как мама и папа. Перестанут гулять в тумане и начнут вместо этого спорить, чья очередь мыть посуду и варить суп.

В этих кольцах таилась взрослая скука, а потому в тумане им было не место.

Торопливо объяснял Федя неразумным родителям, что никто ни за кем не бегаёт, наоборот, в детском саду тихо и скучно, все сидят спокойно, занимаются своими делами, а Орешек тут ни при чем, она просто одна из девчонок, с которой ему приходится проводить время, пока родители не заберут его домой. Родители, переглядываясь, понимающе кивали головами и улыбались, отчего Федька распаялся в объяснениях сильнее, громче и красноречивее.

Дни сменялись ночами, зимняя стужа уступала место весенней капели. Занимаясь раскрасками за письменным столом, Федька слышал, как барабанят по карнизу капли с крыши. Колокольчиком заливались хохлатые свиристели, а солнце сделалось теплее, приветливее. Но вскоре для Феди наступил день, когда предрассветный туман вдруг обернулся грозой.

Федя рисовал дядю Скруджа, купающегося в золоте. Некоторые карандаши были сломаны, и много золотых монет могло не получиться. А самому богатому селезню в мире необходимо нарисовать целую гору золота. Где-то была точилка, нужно было попросить ее у воспитательницы. Сидя неподалеку, Татьяна Николаевна заплетала косичку рыжеволосой девочки с россыпью веснушек по всему лицу.

— Татьяна Николаевна! — позвал Федька. — Татьяна Николаевна! Та-тья-на Нико-ла-ев-на!!

Царил гвалт ребячьих голосов, и воспитатель его не слышала.

— Татьяна Глухоманьевна! — в сердцах бросил он.

Воспитательница продолжила заплетать косу, а он потерял интерес к рисунку и отвлекся на пазлы со слоником Дамбо.

Вдруг прибежал Сережа.

— Она все-все-все рассказала Татьяне Николаевне! — выпалил его друг. — Зря ты воспиталку Глухоманьевной обозвал!

Федя услышал, как затряслись витражи его Комнаты, как упала мозаика и рассыпалась по каменным плитам пола. Поднял голову и увидел, что воспитатель шла к нему с сердитым лицом. За ней семенила Орешек.

Вечером за ним пришла мама. В раздевалке Федька постарался одеться быстро, как папа, который как-то сказал: «В армии я одевался, пока спичка горит». Но болоньевые штаны будто нарочно спутали ноги. Правая угодила в левую штанину, а левая — в правую. И Татьяна Николаевна все же успела пожаловаться. Федя засеменил к маме, а штаны засмеялись: *фить-фить! фить-фить!*

Они покинули раздевалку. Миновали коридор, спустились по лестнице на первый этаж, пересекли холл с высокими окнами из цветного стекла и вышли на улицу.

— Никакого телевизора на выходных, — сказала мама таким голосом, что Федя понял: спорить с ней бесполезно и новых «Утиных историй» он не увидит.

Субботу и воскресенье Федя провел в дурном расположении духа. Чувствуя себя преданным, униженным, пытался было отвлечься на акварель, цветные карандаши и краски, но вместо рисунков выходила мазня. Раздосадованный, он закрыл альбом и опустил на кровать.

После выходных он коротал время в Стеклопанной комнате, куда обещал больше никого не впускать. Он понимал, что Орешек стоит за его спиной, но не хотел оборачиваться.

— Давай собилать мозаику? — предложила она.

Федя не ответил. Выждав несколько долгих мгновений, все же обернулся. Девочка стояла, опустив глаза, и крутила в руках коробку мозаики. Он глядел на ее милое, печальное личико, думая о наказании, понесенном им незаслуженно.

— Зачем ты все рассказала Татьяне Николаевне? — спросил он голосом, полным горячей обиды. — Знаешь, как это называется? Ябеда!

— Нет! — она вся сжалась, словно испуганный воробушек.

— Ябеда! — повторил он. — Ябеда-корябеда, соленый огурец...

— Замолчи!!!

Коробка с мозаикой исчезла, девочка закрыла лицо руками и заплакала. Сдавленные всхлипы жгли сердце огнем. Он смотрел на слезы, не зная, что сказать и что сделать, и чувствовал, что потерялся.

— Ну ты чего... Не надо...

— Никому не нравится, когда пло него говорят гадости, — сказала она.

— Татьяна Николаевна ничего не слышала, а ты взяла и все ей рассказала.

— Неважно!

— Почему?

— Потому что! Все лавно нельзя обзывать! А если кто-нибудь скажет плохое пло твою маму? А пло бабушку? Тебе будет приятно, если услышишь?

— Ну, нет...

— А Татьяна Николаевна тоже чья-то бабушка! Я видела, видела, как она гуляла с коляской! И вообще, нельзя говорить плохо пло тетенок — им потом грустно, они много плачут! И мне грустно и плохо, когда папа кличит и обзывается на маму! Мне только с тобой холошо и спокойно.

Девочка перестала плакать. Всклигнула, вытерла кулаками глаза и взглянула на него. Душу Феде согрела такая нежность, что перехватило дыхание. Потупив взгляд, он медленно втянул воздух и, выдохнув, потербил пальцами кончик носа.

— Извини, — шепнул он.

Они постояли в тишине, посмотрели на стены из цветного стекла. Потом Федя кивнул на коробку мозаики на столе:

— Будем собирать?

— Будем.

ТАМАГОЧИ ФИОЛЕТОВОГО ЦВЕТА

Дедушка плюнул этим словом в экран телевизора, где выступал скучный дядька в галстук и пиджаке. Слово показалось Федьке смешным, оттого легко запомнилось. В садике он назвал так друга Сережу. Оказавшаяся рядом нянечка ахнула, когда услышала, а затем отвела его в комнату для тихого часа и закрыла дверь на ключ. Свет не включила, потому он почувствовал себя пленником темноты.

— Как тебе не стыдно? — сказала Раиса Петровна. — Приличные люди такими словами не бросаются! Вот от кого, от кого, а от тебя не ожидала. Еще раз услышу — возьму иголку с ниткой и зашью тебе рот.

Какая глупая штука вышла. Ничем не обидел Сережу, не толкнул, не ударил. И слово-то какое смешное! А нянечка почему-то не посмеялась. Закрыла в потемках и стала ждать, пока ему станет стыдно.

Он знал, что нужно произнести, чтобы его отпустили.

— Я больше так не буду.

Сказал, и в замочной скважине повернулся ключ. Покинув спальню, Федька вернулся в группу. Дабы оставить позади неприятный мрак спальни, занял себя рисованием лайнера, скользящего по водной глади, и дирижабля, плывущего в облаках.

— Ребята! Никто не забыл, что сегодня нас ждет зубной врач? — сказала воспитательница Нина Дмитриевна. — После завтрака все дружно чистим зубки и отправляемся в путь!

Нина Дмитриевна была высокой миловидной шатенкой. От ее присутствия воспитанникам становилось тепло и спокойно: ее голос укутывал словно в шелковый плед, движения были плавными, в глазах лучилась доброта. Сегодня она пришла в садик в светло-горчичном пиджаке и таких же брюках. Федя подошел к ней, потянул за пол горчичного пиджака и задал вопрос, который давно не давал покоя:

— Нина Дмитриевна, у зубного врача будет очень больно?

Воспитатель присела на кресло и подалась вперед. Их глаза оказались на одном уровне.

— Ты же мужчина, Федя. Я в тебя верю, ты справишься с любой трудностью. Тем более с таким пустяком, как прием у зубного.

Подумав еще немного, он спросил:

— А почему маленький камушек уходит на дно реки, а огромный корабль не тонет?

— Хм... Интересный вопрос, Федя. Это сложная наука — физика. Станешь большим и будешь учить ее в школе. Выучишь и мне расскажешь.

— А облака — они выдержат человека? Можно ли прыгать в небе на облаках?

Брови воспитательницы сложились домиком.

— Не знаю, Феденька.

— Честно-честно не знаете?

Она положила мягкую ладонь на его плечо.

— Честно-честно, Федя. Но открою секрет: я сама бы хотела пробежаться по облакам.

И она подмигнула ему. Он восхитился, что любимая воспитательница открыла ему секрет, и какое-то время провел в молчании.

Прошел завтрак. Федя и остальные ребята оделись, вышли из детского сада и потянулись за воспитателем на аллею. Шли беспокойно: воспитатель нарушила привычный распорядок дня, оттого хотелось смеяться и веселиться.

— Ребята, идите ближе друг к другу, пожалуйста! — говорила им Нина Дмитриевна. — Девочки, не балуйтесь! Цыплухин, шагай спокойно! Не делай вид, что не слышишь. Хочешь, чтобы я с твоей мамой побеседовала о твоём поведении?

Пришли в дальний район, который жители называли Коммуной. Детская зубная клиника находилась в небольшом двухэтажном здании. Краска на стенах облупилась, нижняя часть здания была сплошь исписана какими-то буквами, и Федя вспомнил такие же письма в своем подъезде на стенах, выдавших лучшие времена.

Внутри дети расселись на кушетках возле зубного кабинета. Как-то нашелся смельчак, который первым шагнул в кабинет стоматолога. Потекли минуты ожидания в очереди. Из кабинета врача раздался визг бормашины. Закрыл уши ладонями — не помогло.

Девочки и мальчики заходили в кабинет и выходили. У кого-то все проходило быстро и в тишине, а кто-то возвращался зареванный. Нина Дмитриевна брала светло-желтый платок, бережно вытирала заплаканные глаза и прижимала ребенка к груди.

Федя думал о новеньком тамагочи, которое выпросит у родителей сегодня вечером. Такие мысли приятно грели душу. Однажды он увидел у девочки Риты брелок в форме собачей лапки кислотно-фиолетового цвета с зелеными пятнышками и тремя кнопками. Рита сказала Федьке, что в тамагочи живут несколько питомцев: хрюшка, лягушка, цыпленок, ягненок и другие. Он не мог насмотреться на то, как Рита возилась с любимой игрушкой. Выбирая все новых и новых зверят, она кормила их и поила, ставила прививки, купала и укладывала спать.

Он извел фиолетовый карандаш на то, чтобы нарисовать точно такой же брелок как можно лучше, красивей. Просил у мамы и папы купить ему точно такой же, однако родители отвечали, что в поселке Чудь его не найти и потому надо ехать в Город. А на это у мамы и папы пока нет Времени.

Промаявшись пару дней, Федька решил подойти к девочке и спросить:

— Давай меняться?

Рита поджала губы:

— А ты мне что?

Достал из кармана тамагочи, представляющий собой желтый кусок пластмассы, на экране которого прыгал щенок. Рита придирчиво осмотрела игрушку, повертела ее в руках и вернула Феде.

— Не-а! Не хочу! У тебя только одна собака, а у меня — девять всяких разных животных!

Отойдя в сторонку, она вынула из кармана фиолетовый брелок и начала играть со зверьком, да так, чтобы Федька видел.

Мягкий голос воспитательницы заставил его очнуться от раздумий. Нина Дмитриевна спросила Федю, почему он до сих пор не в кабинете врача, и внимательно посмотрела ему в глаза. Дальше тянуть было некуда, а потому он поднялся с кушетки и толкнул громадную белую дверь.

Его встретили бледные стены — равнодушные свидетели невыносимых страданий, испытанных пациентами. Ледяное свечение ламп ослепило его безжалостной белизной. Прохладный блеск металлических инструментов пробрал до костей, и он вздрогнул.

— Садись, — холодно бросил зубной врач, не посмотрев в его сторону.

Федя забрался в исполинское кресло и ощутил себя крохотной мухой, угодившей в ловушку. Повернувшись к нему, доктор велел открыть рот. Нахмурился, и Федя сделал, что от него требовали. Затем врач принялся работать во рту металлической ковырялкой.

— Да открой же ты рот шире! Мне ж ничего не видно.

Хоть бы не включилась бормашина! Он сделает все что угодно, только бы не услышать сверло над ухом. Будет вести себя хорошо, будет пить чай без сахара, по пять раз на дно чистить зубы. Все что угодно, лишь бы не бормашина.

Зубодер отложил в сторону ковырялку и потянулся к бормашине.

Вж-жж-жж-жж!

Спрыгнув с кресла и преодолев кабинет в два прыжка, Федька выскочил за дверь.

— С мамой в субботу придешь!!! — услышал он вслед.

— Ты что, уже все? — удивилась Нина Дмитриевна.

Федя промолчал. Его вдруг очень заинтересовали шнурки на ботинках. Выйдя из кабинета, зубной врач сообщил о бегстве воспитателю.

— А-а, — тихо сказала она, бросив на Федю короткий взгляд.

По пути в садик Сережа взахлеб рассказывал Феде, сколько слюны накопилось во рту, пока врач не разрешил сплюнуть. Орешек похвасталась тем, что дантист похвалил ее за гигиену зубов. Друзья спросили, как он пережил минуты в кабинете зубного. Хотел ответить простым «хорошо», да только это нехитрое слово в коротенькие три слога упрямо не хотело слетать с его языка.

Последний раз его терзала столь невыносимая душевная мука месяц тому назад.

В тот день перед тихим часом Федя заметил, как Рита заботливо уложила тамагочи под подушку, затем легла спать и вскоре тихонечко засопела. Оглядевшись, он удостоверился, что все ребята уснули. Прокрался на цыпочках к кровати Риты и, запустив руку под ее подушку, нащупал брелок. Схватив его, помчался обратно в кровать.

Сердце колотилось, он быстро и часто дышал. И все же было весело — получилось! Заветный брелок лежал в руке.

Он ушел с головой под одеяло и стал рассматривать пластмассовый корпус, кнопки, экран. Все царапинки на фиолетовом корпусе, зеленые пятнышки и желтые кнопки, черные кубики, из которых складывался зверек, — все это теперь его.

Тихий час закончился. Успев спрятать сокровище в карман шорт, Федя поспешил выйти из комнаты для тихого часа. Спустя несколько минут он увидел, как Нина Дмитриевна вышла из спальни за ручку с Ритой, чье лицо блестело от слез.

Убедившись, что никто на него не смотрит, Федя спрятался в раздевалке. Там он распахнул свой голубенький шкафчик, положил тамагочи на полку и накрыл шапкой. Захлопнул дверцу шкафчика и во все глаза уставился на руки. Ладони и пальцы окрасились в фиолетовый цвет!

Нет, не может быть! Почудилось... И все же глаза не подводили его. Подбежав к умывальнику, отвинтил кран, хорошенько намыллил руки и подставил их под струю теплой воды. Пару мгновений смотрел на испуганное отражение в зеркале и опустил взгляд на ладони.

Они были ярко-фиолетовые.

Губы скривились. Закусив их, чтобы не дать волю слезам, он глубоко вздохнул. Засунул руки в карманы шорт и возвратился в группу.

Федя просидел в Стеклованной комнате до самого вечера. Царапал желтым мелком щенячью мордочку на каменной плитке пола. Ни рисунок, ни цветные стеклышки витражей, ни даже приобретенная игрушка не грели душу. Заметил он еще одну странность. Впервые в Комнате было неуютно, будто неожиданно включили отопление в жаркий июльский день. Это тепло не умиротворяло, а, наоборот, наводило тревогу.

Дома он понял, что не сможет играть тамагочи, ведь мама и папа спросят, откуда у него новая игрушка. Не давали покоя руки. Фиолетовый цвет не сходил, как бы он

ни старался оттереть ладони и пальцы. Ближе к ночи в Стеклойной комнате сделалось не только душно, но и слышался девичий плач. И чем громче плакала девочка, тем ярче светились руки.

На следующий день Рита осиротело ходила из угла в угол, опустив плечи. Ее черные как смоль волосы падали на лицо, прикрывая опухшие глаза. Она больше не плакала, но выглядела несчастной, потерянной.

Федю будто крапивой обожгло. Трепетная, неведомая взору пташка внутри него взмахнула в последний раз крыльями, предчувствуя скорую гибель, и ее трепыхание отозвалось пульсацией в его сердце и отсветом на запястьях и тыльной стороне ладоней. Они также пошли фиолетовыми пятнами, яркими, несмываемыми. Брелок-лапка неприятно тяжелил карман.

Голова опустилась на грудь. Ноги сделались ватными, но легкость эта, напротив, утяжеляла ходьбу. Потянулись минуты, а может, прошел один миг, но он все же вынул из кармана тамагочи.

Увидев его, Рита вскрикнула и умоляюще протянула руку за любимой игрушкой.

— Я больше... так... не буду, — не смея поднять на нее взгляд, прошептал он.

И услышал, как щелкнул ключ.

После неприятной истории с тамагочи Феде начало казаться, что эти слова помогут открыть любой замок. Нужно только произнести, и ключ повернется, тогда он выйдет из мрака. Не бывает таких замков, что нельзя отпереть словами.

Но теперь... Нина Дмитриевна хвалила ребятишек, наступивших на горло страху. Ему же любимая воспитательница не говорила ни слова. Иной взрослый, будучи на ее месте, покачал бы головой, спросил бы с тяжелым вздохом: «Как тебе не стыдно?» А Нина Дмитриевна просто-напросто не замечала его.

И его вновь обожгло то невидимое, неосознаваемое. Взмахивая крыльями, внутренний птенец зашелся оглушающе беззвучным криком. Федя посмотрел на руки — фиолетовые от локтей до кончиков пальцев. Задрал штанину и увидел фиолетовую щиколотку. Подойдя в детском саду к умывальнику, взглянул в зеркало. В нем отражалось фиолетовое, несчастное каждой веснушкой лицо.

Он не смел подходить к Нине Дмитриевне. Понимал, если сказать: «Я больше так не буду», то ключик не повернется и его тело останется фиолетовым.

Откусив батончик «Марс», Федька почувствовал, как пошатнулся передний зуб. Тронул его кончиком языка — шатается. Подошел к зеркалу и надавил на него пальцем. Резец охотно выскочил из десны и тут же скрылся в сливном отверстии раковины. Во рту зияла дыра, маленькая частичка Феде исчезла, будто никогда ее не было. Тут же зашатался и выпал второй резец. Федька поймал его и попытался вернуть обратно. Не получилось, зато из десны запросился наружу клык, а следом еще один. Считая свое пребывание в мальчишеском рту мучительным пленом, коренные зубы присоединились к побегу. Омываемые шоколадной слюной, они царапали, щекотали десны, шатались вправо и влево и грозились запрыгнуть в глотку, если Федя не согласится выплюнуть их.

Послышался тихий треск, и с ужасом Федя увидел указательный палец, болтающийся на сухожилии подобно древесной ветке, сломанной порывом ветра. Мгновение, и палец освободился от гнета руки, свалившись на гладкую белизну умывальника. Быстро сгибаясь и выпрямляясь, он заполз в пустую глазницу сливного отверстия. То же случилось и с остальными пальцами.

Федя кричал, вопил, как никогда в жизни, пока не лишился голоса, а затем и языка. Отделившись от тела, язык его плавно скользил по гладкой поверхности раковины,

прочищая ее от мыльных разводов. А потом выпал правый глаз и, спружинив при приземлении, прокатился по каменным плиткам, изрисованным цветными мелками.

Вновь собранный по частям, Федька лежал ничком посередине Стеклоанной комнаты. Здесь было мучительно душно, и ему вспомнилось, как они с папой парились в бане у дяди Гриши и тети Светы, и когда Федя просился наружу, красный, как запрещающий сигнал светофора, папа лениво тянул: «Посиди еще пять минут, чтобы все шлаки вышли». Вытирая пот со лба и стараясь дышать ртом, Федя смотрел на стол, где излучало фиолетовое свечение что-то чужое, нездешнее.

Подойдя ближе, Федя разглядел тамагочи. Прикоснулся к нему...

— Ай!

Отдернул руку, но все же успел ошпариться. Пальцы покраснели, набухли волдырями. Подул на них, но боль не утихла, настолько горячим был воздух из его рта. Перевел взгляд с волдырей на игрушку. Плаваясь, она растекалась по столу пузырящимся фиолетовым киселем, и капли его падали на каменные плиты.

«С мамой в субботу придешь!» — слышал он.

Федя проснулся в комнате, где проходил тихий час. Нашупал под подушкой брелок: песик, его единственный питомец, посапывал в своей будке. Федя прикоснулся к желтому брелку губами, а потом сжал в руке крепко-крепко.

Он понял, как открывается этот замок.

В садик за ним пришла мама. Он подошел к ней, потянул за плащ нежно-лимонного цвета, и мама присела на корточки.

— Мама, я придумал, чем нам заняться в субботу.

РИС НЕКРАСИВО ТРЕСКАТЬ РУКАМИ

Федя слышал эти слова каждый вечер, мама твердила их снова и снова. Сидя за кухонным столом, поверхность которого заливал прохладный свет лампы, пережевывал едва теплую кашу. Надеялся, что каша в тарелке скоро закончится и пора будет ложиться спать. А если он ляжет спать, то не услышит от мамы тех слов.

Рядом с тарелкой лежал букварь. Один его вид вызывал омерзение. Хотелось швырнуть книжку в открытую форточку, чтобы никогда не видеть ядовито-зеленую обложку. Если бы этой книги не было, то не пришлось бы учиться читать. Когда он читал, его не понимали. Он говорил то, что видел своими глазами, а с ним спорили, просили быть внимательней. Иногда повышали голос, ругали — словом, делали все, чтобы он плакал.

На кухне замерцал экран телевизора. Началась передача то ли о путешествиях, то ли о кулинарии. Рассевшись вокруг большого казана с пловом, мужчины зачерпнули плов руками и принялись уплетать за обе щеки. Федька заметил, какие довольные сытые лица сделались у мужчин. Он отложил ложку и взял комочек каши в ладонь.

— Сейчас же перестань! — сказала мама. — Так вести себя за столом неприлично. Некрасиво трескать руками рис!

Федя вздохнул, вытер ладошку салфеткой. Молча взглянул на черный экран телевизора и перевел взгляд на обои в зеленый горошек.

— Повтори: некрасиво трескать руками рис!

Втянув голову в плечи, Федя опустил глаза.

— Я видел — его можно так кушать, — тихо ответил он.

— Нет, Федя. Старайся говорить правильно: трескать руками рис — некрасиво. Тррескаться рруками ррис — некррасиво.

— Но можно ладошками, честно! — воскликнул он.

— Рис некрасиво трескаться руками! — не сдавалась мама. — Горе луковое, а не ребенок! Завтра в детском саду поговорю с воспитателями.

Федя брел по темным путаным коридорам, которые все не заканчивались. В этом крыле садика он не бывал. Не понимал, где осталась группа вместе с ребятами, как скоро ему разрешат вернуться и разрешат ли вообще. Вместе с ним шла воспитательница, но тревога не исчезала. Ему хотелось спрятаться в Стеклойной комнате, ее витражные стены всегда успокаивали.

Его привели в комнатушку, где их встретила женщина в строгом костюме и с гнездом на голове. Гнездо аккуратно вплелось в ее волосы, но птичек или яиц Федя там не увидел. Захотелось даже подпрыгнуть или встать на стульчик, чтобы лучше разглядеть гнездо, но не стал.

Пока воспитательница что-то говорила Женщине с гнездом, Федя осматривался. На потолке горели два голубых светильника в ребристых решетках. Стол был завален книгами и бумагами. На стене висел плакат — разноцветные буквы складывались в слова.

— Чулок, — прочитал он первое слово и рассмеялся.

— Уголок, — поправила Женщина с гнездом. — Там написано: «Уголок поэзии». Я читаю послушным ребятам стихотворения в конце занятий, а потом спрашиваю впечатления. Будешь послушным мальчиком?

— Буду, — ответил Федя.

Женщина с гнездом кивнула головой, сказала: «Итак, итак...», а затем присела на стул. Улыбнулась ему, и волнение чуть отступило. Но вдруг он заметил зеленый букварь, который выглядывал с полки над столом.

— Рис некрасиво трескаться руками, — произнесла Женщина с гнездом. — Знаешь такое выражение? Повтори.

Он ходил к ней два раза в неделю. Сначала не хотел, упирался, хныкал. Вскоре понял, что все не так уж плохо, ведь Женщина с гнездом всегда внимательно его слушала. Мало кто из взрослых поступал так же. Ей он мог рассказать все, что у него на душе. Только вот собеседником она была неважным: переспрашивала его про какие-нибудь пустяки и заставляла говорить странные поговорки.

— Бабушка сказала, что мама с папой меня детства лишают, потому что заставляют учиться читать. Сказала, что меня в школе всему научат! А сейчас еще рано.

— Рано? — уточнила Женщина с гнездом. — Рано рама розовеет, рама рада — солнце греет. Поиграем в попугая? Я говорю, а ты повторяешь за мной, как попугай, хорошо? Рано рама розовеет...

— Я сказал папе, что хочу на Новый год попугая. Такого, как у Аладдина. Попугай Яго — плохой? Кажется, он бывает неплохим, но редко.

— Редко, — эхом откликнулась Женщина с гнездом, — у редьки и репки корень крепкий. Повтори.

— Дедушка как-то сказал: хрен редьки не слаще. А когда я повторил это в гостях за столом, мама пообещала меня наказать. Сказала, что я поступил некрасиво.

— Некрасиво, — уцепилась за слово она, — некрасиво трескаться руками рис. Ну-ка скажи!

Как-то раз она попросила:

— Открой широко рот и подними язык к небу.

— Зачем?

— Хочу взглянуть на уздечку языка.

Смешное слово — уздечка. Ему тоже захотелось увидеть. Может быть, Женщина с гнездом расскажет, что это такое.

Она внимательно посмотрела в рот, чуть наклонив голову, и едва заметно нахмурилась. А затем вдруг засунула туда палец. Он стиснул зубы. Услышал хруст.

— А-а-а! — закричала Женщина с гнездом.

— А-а-а! — завопил Федя, увидев ее палец. По нему лениво, будто смола по еловой ветке, текла красноватая жидкость.

Свет голубых ламп исчез, наступила крошечная тьма.

Федя вертелся за школьной партой и шурился от солнечных лучей. Рядом его одноклассница повторяла одни и те же слова бесцветным голосом и без выражения на лице: «Тоффий немоффный Коффей таффит яффик овоффей». «Глас селеный у косы, а есе у стрекосы», — отвечал ей незнакомый светловолосый мальчик.

Федька бывал в этом кабинете каждый вторник и четверг после уроков. И каждый раз пропускал мультфильмы, которые начинались в это же время. Насупившись, смотрел на учительский стол. За столом куталась в шаль женщина в крупных очках, которые придавали ей сходство со стрекозой.

— Закрепим результат, — устало произнесла Женщина-стрекоза. — Итак, рис некрасиво трескаться руками. Ну?

— Да, все так. Может, на сегодня уже закончим?

— Сначала скажи, красиво ли трескаться рис руками?

— Нет! Можно идти? Я успею на последний мультик, а потом буду делать домашнюю работу на завтра. Знаете, как много нам задают?

— Это все замечательно, но разве красиво трескаться руками рис?

— Да не знаю я! — закричал он. — Кто-то его уплетает ладошками, кто-то хватается вилку! Кому как вкуснее!

Стрекоза сверкнула очками.

— Иди! Я тебя здесь не держу! Хочешь трескаться рис руками — пожалуйста! Твое право!

И она громко захлопнула книгу в зеленой обложке.

Стоя у тусклого зеркала над треснутым умывальником, Федя глядел на лоб. Рассматривал два прыща, один у виска, второй — над правой бровью. Яркие, восхитительно сочные и нежно-розовые. Трогал их пальцем, надеясь, что они исчезнут от прикосновений, а они отзывались пульсирующей болью.

Как не вовремя они появились! Аккурат перед тем, как он отправился в летний лагерь.

Он постарался спрятать их за волосами. Затем поправил очки на носу и, положив на язык драже «Тик-так», вышел на крыльцо лагеря.

На футбольной площадке носились мальчишки. По тропинке ходили стайками девочки. Он увидел ее — высокую, стройную, словно кипарис, с копной рыжих кудрей. Она стояла одна. Повезло!

Подошел к ней и выдохнул.

— Привет.

В карих глазах вспыхнул огонек.

— Ой, мне не послышалось? Скажи еще раз: «Пррривет!»

Он почувствовал, как покраснел.

— Скажи: «Ехал Грека через реку...»

— Не хочу, — выдавил он.

— Ну скажи! — она оскалилась белозубой улыбкой и откинула со лба рыжие локоны — ни единого прыщика на лице. — Скажи: «Рис некрасиво трескаться руками».

Другие мальчики и девочки подслушали разговор.

— Ест Федька с водкой прредьку, ест прредька с водкой Федьку! — загоготали пацаны.

— И рис руками трррескает! — засмеялись девки. — Как некрррасиво!

Вокруг была ночная темень. В одиночестве он стоял перед трюмо, смотрел в узкое длинное зеркало. В руках дрожали тетрадные листки, исписанные одной и той же фразой.

— Рис некрасиво трескать руками, — чеканя каждое слово повторял он. — Некрасиво! Трескать! Руками! Рис!

Открыв рот, задрал язык к нёбу. Посмотрел на уздечку и горько вздохнул. Затем стиснул губы и отвернулся от зеркала.

Прокурор в парадном мундире забрался на крейсер «Аврора». Открыл букварь и проскандировал приговор: «Трескать руками рис — некрасиво! Руками трескать рис — некрасиво! Некрасиво трескать руками рис!» Раздался выстрел корабля, и Федор проснулся. Придя в себя, вытер со лба прохладную испарину.

Через пару часов должен был начаться ЕГЭ по истории, а значит, нужно вспомнить, когда грянул роковой выстрел.

На первом курсе университета началась дисциплина «Культура речи юриста». В аудиторию зашел высокий небритый мужчина в темной толстовке, потертых джинсах и грязных кроссовках. Поставил на стол пластиковый стаканчик с растворимым кофе, лениво, как-то неохотно оглядел студентов и заговорил. Голос его был прокурорный и низкий, звучал уверенно и благородно.

— Зовут меня Анатолий Викторович, — представился он.

Анатолий Викторович объявил, что студенты находятся под влиянием уральского диалекта.

— Это и «зажевывание» звуков при произношении слов, и торопливый темп речи, и беспощадное «окание», — пояснил преподаватель. — Уралец отыщет звук «о» там, где нет его и в помине.

На лицах студентов появились улыбки.

— Что вы улыбаетесь? В жизни вы именно так и разговариваете. «Как ты чотко седня одета, ко-да с тобой в кино по-дем?»

Девушки за партой впереди Федора переглянулись и рассмеялись.

— Это не страшно. С этим вполне можно жить, — успокоил Анатолий Викторович. — Но мы это исправим.

Мужчина отпил кофе из стаканчика.

— А теперь — уголок поэзии, — сказал он, и вдруг что-то отозвалось в памяти Федора. — Продолжим семинар чтением вслух романа Пушкина «Евгений Онегин». Будем читать по очереди. Прошу вас верно произносить все звуки — все в вашей речи должно быть красиво и безупречно.

— Коекое низкое коварство... — прочитала соседка по парте Федора.

— Студент Анастасия, перечитайте, пожалуйста, пушкинскую строфу согласно орфоэпическим правилам русского языка, — потребовал преподаватель.

— Коекое низкое коварство...

— Еще одна попытка, — скривил губы Анатолий Викторович.

— Коекое низкое коварство...

— Нет!

— Коекое низкое коварство...

— Снова!

— Коекое низкое коварство...

— Мы не закончим семинар, пока я не услышу от Анастасии безупречно чистого произношения этой строфы, — воскликнул преподаватель. — Анастасия, чего вы молчите? Мы вас слушаем!

— Коекое низкое коварство...

С презрением на лице преподаватель смял в руке стаканчик из-под кофе и швырнул в мусорную корзину.

После занятия Федор нарочно замешкался в аудитории, чтобы остаться с ним один на один. Подошел, стал заламывать пальцы рук и, не глядя в глаза мужчины, спросил:

— Анатолий Викторович, такое дело. Я всегда трескал рис руками. И в детском саду, и в школе пытались переучить. Потом и сам много раз пытался. Все бесполезно.

— Почему вас так волнует, как правильно есть плов?

— Ну как же! Вы же сами сказали: все должно быть красиво и безупречно. Со мной так не получится.

Чуть заметная складка возникла между бровями преподавателя.

— Есть вещи, которые не удастся исправить, — после короткого молчания сказал он. — И с этим тоже можно жить. Ни в коем случае не делайте подобные вещи пунктиком — это будет большой ошибкой. Не превращайте поедание риса вилок и ложкой в навязчивую идею.

— Как мне быть?

— Попробуйте взглянуть на ситуацию с другой точки зрения. В человеке должна быть изюминка, чтобы к человеку хотелось прислушиваться. И у вас, молодой человек, эта изюминка есть.

Федор вышел из аудитории окрыленный.

— Рис некрасиво трескать руками! — смеялся он. — Рис некрасиво трескать руками! Рриснекррасивотррескатьруками!

В столовой он купил горячий душистый плов. Брал руками слипшиеся комочки, смаковал рис на языке, раскусывал барбарис. Запив блюдо компотом, с удовольствием съел персик, который плавал на дне стакана.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ

«Не так страшна мать, как ее малюют дети», — вспомнилась Федору старая шутка, едва он увидел рисунок.

Распахнув вместе с мамой старый комод, они уловили слабый запах лаванды. Нашли стопку тетрадей, в которых аккуратным почерком были записаны кулинарные рецепты, затем жестяную коробку с разноцветными пуговицами, а рядом — сверток вязаной шали. Мама потянулась за тканью и развернула ее. На ковер упали черно-белые фотографии с потрепанными краями, письма на потускневших тетрадных страничках и листок бумаги.

На нем был детский рисунок.

— Чей-то портрет, — сказала мама. — Вроде женский — вон как хорошо ресницы прорисованы.

Федор отметил, что один глаз был чуть выше другого, а вместо губ красовался разбухший вареник, который не лез в рот.

— Смотри, — сказала мама. — На обороте что-то написано.

Карандашные буквы выплывали в слово «БУБМКИ».

Ну, конечно! Его руки создали этот рисунок. Не настолько большие, как теперь. И ни единой морщинки, ни одной волосинки не было на руках, когда они творили портрет.

Усевшись за письменный стол, он включил настольную лампу. Желтый свет пролился на лакированную поверхность. Когда-то Федя прилепил на стол наклейку, которая попала в жвачку «Терминатор», а отодрать не смог. Так и остался жить на столе человекоподобный робот, чуть порванный в уголке.

Возле правой руки Федя поставил непроливайку с водой, слева разместил палитру и акварельные краски в палетке. Некоторые цвета смешались. Красный сделался цветом жухлой листвы, небесно-синий превратился в грязную лужу, а травянисто-зеленый стал перезрелым баклажаном.

Тонкая кисточка легла в руку. Обмакнув пушистый пучок в воду, вымазал его в акварели и прошелся по чистому листу бумаги.

Хм-м. Водянисто получилось. Так вся бумага сморщится, словно дедушкин лоб, и портрет не получится. Нужно дать кисточке немного высохнуть после того, как смочишь водой. Об этом говорила в садике Ольга Георгиевна.

Ольга Георгиевна учила рисованию. Она запомнилась маленькой худенькой блондинкой в водолазке с высоким воротником и блестящей заколкой-бабочкой в туго собранных пепельных волосах. Ему нравился ее кабинет, стены которого украшали картины, созданные тут же, на занятиях. По всей комнате стояли мольберты, воздух был пропитан густым запахом гуаши. Так и должно пахнуть творчество.

Как всегда, зайдя в кабинет, он вежливо поздоровался с Кисточкой.

— Привет, Волшебная Кисточка!

Ее ручку украшала блестящая юбочка из цветной фольги, а на обжимном кольце красовался бантик из фантика.

— Здравствуй! — ответила Волшебная Кисточка в руке Ольги Георгиевны и погладила его по ладошке.

— Сегодня мы будем рисовать животных, — объявила Ольга Георгиевна. — А работы повесим в раздевалке вашей группы. Родители придут и удивятся: «Ой, а кто это так красиво рисует? Откуда взялась такая красота?»

Взявшись за кисти и краски, Федя огляделся. Сережа начал рисовать косолапого медвежонка, более смахивающего на Чебурашку. Орешек задумчиво выводила на холсте серую кошку, чей пушистый хвост был настолько велик, что с трудом умещался на полотне.

Подумав немного, Федька решил явить миру ежонка. Ежи тихие, спокойные и совсем не такие колючие, как про них говорят. Он знал это, ибо гладил ежа, когда ходил в контактный зоопарк. Тельце он намалевал серым цветом, колючки изобразил черным. Слишком сильно давил на кисть, и получились не колючки, а толстые палки. Окунал кисточку в непроливайку и не давал подсыхать, а потому краска потекла, оставив на листе бумаги черные дорожки слез. Ежик получился не милым зверьком, а размытой и мрачной кляксой.

Воспитательница повесила рисунок чуть выше плинтуса, да так, чтобы вид на него закрывал шкафчик с одеждой. Рисунок выглядел лишним, его хотелось не замечать, скорей отвести взгляд.

— Твое художество спрятали подальше от остальных, — заметила мама, когда пришла за Федей в детский сад. — Неужели тебе не обидно? Ты же можешь намного лучше.

По пути домой Федя увидел, как ежонок с рисунка сидит возле входа в продуктовый магазин. Прося у прохожих мелочь, пугало сплевывало на асфальт капли гуаши и что-то тихо бурчало под нос.

Портрет был наполовину готов. Федька смешивал краски на черновике, чтобы получился телесный цвет. Продолжал изобретать новые цвета, и если цвет нравился, то переносил его в чистовик.

В комнату заглянул папа.

— Над чем сегодня работаешь, Боттичелли?

— Не смотри! — Федя приподнялся над столом и заслонил незаконченный труд, словно утка, защищающая своих птенцов. — Я еще не дорисовал! Это сюрприз.

— Ладно, ладно. Я не смотрю. Ваяй свой шедевр, Малевич.

Ему нравилось рисовать, но с ежонком почему-то вышла оказия. Он обожал ходить на занятия к Ольге Георгиевне, и никакие другие занятия не приносили столько радости и удовольствия.

На музыкальном часе его заставляли учить названия нот и музыкальных инструментов. Воспитатель и слушать не желала, что Федя не хочет знать, чем отличается фагот от флейты, а соль от си.

Хореография тоже не нравилась. Федя каждый раз становился Буратино, ведь тело не гнулось, а руки и ноги деревенели. Да еще и занятия всегда ставили рано утром, когда очень хотелось спать.

И физкультура была не мила. Каждый раз в начале упражнений ребята становились по росту.

— Я вроде «Растишку» ем-ем, а все равно не самый высокий в группе! — жаловался он маме.

Бегать и прыгать было весело на площадке во время прогулки, но в зале для физкультуры воспитатель все время останавливала ребят свистком.

Все было безразлично.

Лишь перед мольбертом в комнате рисования он чувствовал себя в своей тарелке, а значит, случай с ежонком был всего лишь досадным недоразумением.

— Папа, можно взять видеокамеру?

— Для чего?

— Хочу ее нарисовать!

И папина видеокамера оказалась на листочке бумаги.

— Дедушка, пойдём в гараж?

— Что ты там хочешь найти?

— Хочу нарисовать молотки и отвертки!

И дедушкина коллекция инструментов присоединилась к папиной видеокамере. А вскоре к ним добавился телескоп астронома Стекляшкина из «Незнайки на Луне», газовый пистолет Черного Плаща и автомобиль волка из «Ну, погоди!».

В группе детского сада светили два ряда светильников. Из-за ребристых решеток они напоминали рыбы хребты. При включении моргали пару мгновений, говоря: «Длюнь! Длюнь! Длллюнь!» Федя придумал для них название — длюньдлюньки. Ему нравился их приятный свет, который был прохладно-синим или тепло-желтым в зависимости от света ламп. Еще нравился тихий гул, что они издавали. Он много раз рисовал схему длюньдлюнек.

Когда синий светильник перегорел и его лампы заменили желтыми, Федя взял листочек бумаги и сел за стол. Огляделся в поисках желтого карандаша и заметил, что он у Риты.

— Можно мне карандаш на чуть-чуть? — спросил Федя.

— Нет, я долго буду рисовать! — сказала Рита.

— Ну пожалуйста! Мне всего одну лампочку нарисовать.

— Лампочку? Зачем вообще рисовать лампочку?

— А ты сама что рисуешь?

Девочка посмотрела на него как на непроходимого тупицу, чья голова набита то ли опилками, то ли соломой.

— Сам, что ли, не видишь? Это Барби, она готовит барбекю на пляже. Так что я долго рисовать буду, ведь на пляже много-премного песочка.

— Ну и ладно. Рисуй, сколько влезет. Смотри не лопни!

Рита нахмурилась и хотела толкнуть Федю остреньким кулачком, от которого он легко увернулся.

Постепенно Федя стал учиться рисовать людей. Включал видеокассету с мультфильмом, ставил ее на паузу, когда появлялся любимый персонаж, и срисовывал его с экрана.

Акварель в палетке быстро заканчивалась, цветные карандаши истачивались, фломастеры пересыхали. Последнее он исправлял папиным одеколоном. Заливал пахучую жидкость во фломастер, а потом слышал, как удивляется папа: «Надо же, как быстро заканчивается парфюм!»

— Ну что, как там портрет? Близок к завершению? — спросила мама.

— Еще совсем чуть-чуть! — заверил Федя. — Остался последний штрих!

Спустя пару минут Федя отложил кисти и краски. Подождал, пока акварель высохнет под теплом настольной лампы, а затем перевернул листок. Старательно вывел карандашом каждую букву в слове «БАБУШКЕ».

Терминатор с наклейки подмигнул ему красным глазом.

Папа в морской тельняшке крепко взял Федю за руку, рядом появилась мама с алыми волосами и губами. Все трое вознеслись в небо. Над головами повис крохотный домик, в окне которого что-то кричал младенец. Под ногами показалась дорога, что пролегла к большой голубой двери.

Феде хотелось открыть ее. Чтобы дотянуться до нее рукой, нужно лишь пройти по дороге. Лучистое солнышко улыбалось над этой дверью, а вокруг текла лиловая речка. Так цвела лаванда.

— Взгляните, какой красивый рисунок у Феде! — сказала Ольга Георгиевна. — Подойдите ближе к мольберту. Рита, и ты посмотри! Красота какая... Только домик надо было нарисовать больше. И нужно учиться работать с перспективой, а то дорога не сужается вдали.

— Вдали она *будет* такой же! — возразил Федя. — Не надо ее сужать!

— Все равно молодчина. Набил руку, так держать.

Федька посмотрел на свои руки, но не увидел на них синяков и пожал плечами.

Он снял рисунок с мольберта, положил на стол, чтобы дать краске высохнуть. Подойдя к умывальнику, вымыл руки. А когда вернулся, то увидел, что рисунок безнадежно испорчен. Мутная вода цвета хаки растеклась по всему полотну.

— Я нечаянно, — сказала Рита, поднимая раскрытую непроливайку с картины.

Ольга Георгиевна только вздохнула.

— Не расстраивайся, — сказала она ему после занятия. — Я могла наказать Риту, но рисунок так и остался бы испорченным. Возможно, Рита немножко тебе позавидовала, понимаешь? Не обижайся.

Федя кивнул головой.

— Знаешь, ты можешь нарисовать такую картину еще раз, и даже лучше. И сотворишь еще много других картин, и каждая будет лучше предыдущей!

— Это был мой подарок, — сказал Федя.

— Я заметила, что у тебя хорошо получаются люди. Прямо как в мультфильмах. Можешь нарисовать портрет. Поверь, любому человеку будет очень приятно получить в подарок портрет!

Ольга Георгиевна улыбнулась и взъерошила его кучерявые волосы.

— Волшебная Кисточка, а зависть какого цвета? — спросил Федя, прежде чем выйти из кабинета.

— Зависть — она цвета хаки, — ответила Кисточка.

За спиной Феде закрылась голубая дверь.

— Бабушка, я тебе подарок принес! — воскликнул Федя с порога.

— Подарок? — просияла бабушка.

— Да. Твой портрет! Сам вчера рисовал.

— Ну-ка показывай.

Бабушка взяла в руки альбомный листок и вскинула брови.

— Ух-ты! Это кто? Я, что ли?

— Да!

— А почему губы такие большие?

— Из-за помады! Ты всегда ее на моей щеке оставляешь, когда провожаешь домой!

Бабушка взяла магнитик и прикрепила рисунок на холодильник — самое видное место в доме.

— Художником будешь! Талант!

СПЕКТАКЛЬ В ВИГВАМЕ

Мама произнесла фразу, и картина разлетелась вдребезги.

Долго Федька ждал выходной. В воскресное утро остался нежиться в теплой постели, где потянулся да зевнул от души. Включил телевизор, и на одном из каналов, как по заказу, начался мультфильм про Микки Мауса.

«Повезло, что не скучная передача про игру на баяне», — подумал он.

Заманчивый аромат свежее испеченной пиццы дразнил обоняние. Одевшись, Федька наспех почистил зубы, сел за кухонный стол и отхватил добрый кусок горячей выпечки. Наблюдая, как ароматный сыр растягивается в тонкую ниточку, а кругляш сервелата норовит упасть на тарелку, Федя размышлял, чем заняться дальше.

Захотел сначала пройти сложный уровень в игре на приставке. Затем решил сесть за раскраски и комиксы. А после этого собрался поставить кассету с фильмом, который смотрел миллион раз. Например, про Человека-паука. А можно и про детей-шпионов... Нет, лучше про мальчика-волшебника в круглых очках!

Вот и сложилась картина идеального утра. Но неожиданно-негаданно прозвучали мамины слова:

— Одевайся, поедем в Вигвамы. Спектакль вот-вот начнется.

Картина рассыпалась, и уже ее не собрать.

Родители будто нарочно выждали хмурую погоду. Разгулялся ветер, небо затянуло серыми облаками так, что не видать просвета. Не верилось, что когда-нибудь снова покажется солнце. Федьке вспомнилось, как во время простуды надолго закладывало нос, и непонятно было, когда пройдет насморк и пройдет ли вообще.

Он не любил приезжать в Вигвамы. Драгоценные минуты детства пропадали даром, а сколько полезных дел можно было успеть переделать! Дома ждали любимые передачи по телевизору, комиксы и раскраски, цветные карандаши и фломастеры. Однако приходилось играть в странном спектакле. Его устраивали обитатели Вигвамов, а мама с папой не только подыгрывали, но и заставляли Федьку участвовать.

Возле Вигвамов бабушки в вязаных платочках торговали сухофруктами, медом и зеленью. Рядом дядька с пышными усами предлагал филе толстолобика. Федька увидел

палатку с сокровищами. Там были заводные машинки, тетрисы и тамагочи, калейдоскопы и мыльные пузыри. Потянул папу за куртку, но папа не остановился.

— Сначала спектакль, — говорил он, — а потом уже безделушки. Как будто мало у тебя барахла.

Синий вигвам. Стены из плотного велюра, к которым приставлены железные стойки, увешанные мужскими штанами, трико и брюками. На полу шелуха и окурки. В левом углу грязное зеркало и помятый кусок картонки. В правом — на табурете сидит продавщица, пышнотелая женщина с фиолетовой помадой и зелеными тенями, светлые волосы собраны в пучок. Одета в белый спортивный костюм с розовыми полосками, на шее висит монетница. В руках держит кулек семечек. Она их ест, а шелуху сплевывает на пол. Глаза медленно двигаются вправо и влево.

Синяя ткань шевелится. В вигвам заходят Федя с мамой. На Феде — синие кеды, бежевые шорты и желтая футболка с Человеком-пауком. На маме светлые босоножки, джинсы и салатная блузка.

Федя останавливается, смотрит под ноги, ковыряет пол носком кеда. Мама неспешно обходит вигвам вокруг, смотрит на брюки. Останавливается. Прикасается к брюкам.

Продавщица. Возможно, дождь будет.

Мама. И не говорите! Растем как на дрожжах. За лето вон как вытянулись.

Продавщица. Можно в машинке стирать и на руках тоже.

Мама. Я почти не спала прошлой ночью.

Продавщица (одобрительно кивает). Мне кажется — то, что нужно.

Мама (поворачивается к Феде). Просто померь, а я посмотрю!

Продавщица. На мальчика смотрите?

Мама. В самый раз! Даже укорачивать не нужно.

Продавщица. Конечно, можно! (Феде.) Вставай на картонку.

Федя неспешно идет в левый угол палатки. Снимает кеды, встает на картонку. Испуганно смотрит куда-то за пределы вигвама. Продавщица подходит к нему и заслоняет спиной.

Продавщица. Всю ночь гроза грохотала.

Мама. Нам брюки нужны.

Продавщица (задумчиво). Конечно, с ремнем носить нужно. (Смотрит по сторонам.) Сейчас ремень поищу.

Мама. Здравствуйте!

Продавщица. Хэбэшные! Отличного качества. Будете носить, пока из них не вырастете!

Мама (Феде). Мерь спокойно! Никто на тебя не смотрит.

За спиной продавщицы Федя снимает шорты и отдает их маме. Мама берет шорты и протягивает ему брюки.

Продавщица. Эти?

Мама. Да, крайние.

Продавщица. Я сыну своему такие взяла.

Мама. Примерить можно?

Продавщица. Чем вам помочь?

Мама. Прохладно сегодня.

Федя быстро надевает брюки. Переминается с ноги на ногу на картонке. Мама и продавщица смотрят на Федю.

Продавщица (удивленно). Какой худенький! А высокий! Точно выше мамы скоро будет!

Мама. Что за ткань?

Продавщица. Есть еще за углом. Но там, скорее, джинса.

Мама. Мне еще, знаете, вон те штаны приглянулись!

Продавщица. Померьте!

Федя снимает штаны, кидает их маме. Мама отдает их продавщице, а продавщица возвращает Феде. Федя снова надевает те же брюки.

Мама (одобрительно). Хэбэшные, хорошие...

Продавщица (восторженно). Жени-и-их! Ему эти брюки идут! Посмотрите — словно на него пошиты!

Мама. Нет, вон те — правее... крайние которые.

Продавщица. Сейчас ширму задерну. Ай, порвалась! Да я спиной к тебе встану — никто тебя не увидит!

Мама. Ну, вроде свободно сидят.

Опустив голову, Федя переминается с ноги на ногу. Мама и продавщица смотрят на него.

Продавщица. Тоже неплохо на нем сидят.

Мама. Нет, джинсы у нас уже есть. Хотелось бы ближе к классике. Спасибо!

Продавщица. Надо смотреть.

Федя снимает брюки, отдает их маме. Взамен получает шорты. Быстро надевает их, завязывает шнурки на кедах и спешит уйти из вигвама.

Мама. А есть еще варианты?

Продавщица. Да не за что! Возвращайтесь!

Мама держит в руках брюки, уходит вслед за Федей. Продавщица садится на стул, берет кулек с семечками, начинает есть. Опускается синий занавес.

Вигвам из серого бархата. Посередине стоит пуфик. На железной стойке у левой стены висят разноцветные футболки с рисунками, на полу тусклое зеркало. На железной стойке у правой стены расставлены детские ботинки, кроссовки и кеды. Продавец, темноглазый смуглый мужчина с черными волосами, задумчиво вертит в руках ботинок.

В вигваме появляются Федя и мама. Федя бежит к пуфику, садится. Дрыгает ногами. Мама обходит вигвам вокруг, смотрит на футболки и ботинки. Продавец наблюдает за ними.

Мама забирает из рук продавца ботинок.

Продавец. Тридцать пятый.

Мама. С мамой за руку уже не гуляет — надо одному.

Продавец. Да что вы?! Натуральная кожа!

Мама. В прошлом году у вас покупали.

Продавец. Надо на липучках, да?

Мама. Размеры не вижу.

Продавец. Можно взять на вырост.

Мама. Дерматин? Кожзам?

Продавец (чешет в затылке). Высокая долгота и одиннадцать градусов.

Мама (дает Феде ботинок). Мерь!

Федя скидывает кеды, надевает ботинок.

Мама. Не жмет?

Федя. Не-а.

Мама. Пальчики играют?

Федя. Да.

Мама. И большой пальчик играет?

Федя. Играет.

Мама. А мизинчик?

Федя. И мизинчик.

Мама. Играет?

Федя. Играет.

Мама. Точно не тесно?

Федя. Точно.

Мама. Ну-ка походи немного.

Федя встает, делает несколько шагов вокруг пуфика и садится обратно. Мама присаживается на корточки рядом с Федей, нажимает на носок ботинка.

Мама (*продавцу*). Вот эти ботинки давайте примерим.

Продавец. Да, я вас помню!

Мама (*грустно вздыхает*). Все равно через год малы будут...

Продавец. Большой уже мальчик!

Мама. Пойдем еще походим. Потом, если что, сюда вернемся.

Продавец (*наклоняется к Феде, говорит загадочным голосом*). Неопределенность пугает.

Федя испуганно смотрит на продавца. Надевает кеды. Вместе с мамой отодвигают бархат вигвама, уходят. Через минуту возвращаются с другой стороны.

Федя (*с ноющей интонацией*). У меня уже есть футболка! Поехали домо-ой!

Мама. У тебя нет футболки.

Федя. Е-е-есть! Поехали домо-ой!

Мама (*строго*). Не спорь со мной. (*Продавцу*.) Покажите вон ту футболку.

Продавец. Турция!

Продавец берет длинную палку с крючком. Показывает на белую футболку, на которой изображен Майкл Джексон.

Федя (*испуганно*). А-а-а! Спрячьте этого дяденьку!

Продавец показывает на розовую футболку с «Хелло, Китти».

Мама. Это девчачья. Рядом висит.

Продавец снимает желтую футболку с Человеком-пауком — такая же надета на Феде. Продавец отдает ему футболку.

Мама. Чье производство?

Продавец. Отличный выбор!

Федя встает рядом с зеркалом. Кидает робкий взгляд за пределы вигвама. Продавец закрывает Федю куском рваной тряпки. Федя снимает футболку, отдает ее маме и надевает ту, которую дал продавец. Федя вертится перед зеркалом, кукуется.

Федя (*недовольно*). Что-то колется.

Мама (*подходит к Феде*). Подожди. Стой спокойно.

Федя. Щекотно!

Мама (*читает бирку на футболке*). «Made in China». (*Продавцу*.) А вы говорили — дождь будет.

Продавец (*оправдываясь*). Я почти не спал прошлой ночью.

Федя (*плаксиво*). Хочу домо-о-ой!

Мама. Сейчас поедем уже — спектакль почти закончился. Где, интересно, папа твой заблудился?

Бархатные занавесы вигвама раздвигаются, заходит папа.

Продавец (*радостно*). Приходите еще!

Папа (*продавцу*). По рукам!

Продавец. Отдаю за восемьдесят.

Папа. А я возьму за семьдесят!

Продавец. Девяносто!

Папа. И за сколько отдашь?
Продавец. Сто.
Папа. А сколько такая стоит?
Продавец. У вас очень славный пацан!
Папа отдает продавцу мятые купюры. Продавец прячет их в нагрудной сумке. Мужчины долго пожимают друг другу руки.
Опускается синий занавес. По ту сторону занавеса движение. Занавес колыхается.

Федор отдернул синюю занавеску и вышел из примерочной. Двинулся к кассе мимо стоек с одеждой и манекенов. Пришлось лавировать между людьми: народу битком, а что еще ожидать воскресным днем в бутике торгового центра.

На кассе он улыбнулся девушке.

— Пакет нужен? — спросила она.

— Да, упакуйте аккуратно, пожалуйста.

Продавщица собирала покупку, а Федор смотрел по сторонам. Две девушки придиричиво изучали рисунки на футболках. Полноватый мужчина стоял возле стойки с брюками и устало вытирал со лба пот. В сторону примерочной направлялись женщина и маленький мальчик.

На мгновение Федор и мальчуган встретились взглядом. В глазах ребенка он прочитал тоску по золотым минутам детства, которые горели даром.

Невольно Федор позавидовал мальчугану. Что мама купит, то и будет носить, пока не вырастет или порвет. А его выбор одежды уже давно перестал быть таким простым.

Однажды в вигваме потерялся мальчишка, что соглашался на любую одежду, лишь бы скорее вернуться домой...

ОНИ

— Значит, в последний раз катаемся? — спросила мама.

— Выходит, что так, — сказал папа.

— Может, не будем продавать?

— Тебе нужен мотоцикл?

— Нет.

— Может, хочешь, чтобы Федя на нем гонял?

— Не дай боже!

— Тогда что за сомнения?

Прошло два или три дня с тех пор, как папа опубликовал объявление на «Авито». Покупатель мотоцикла «Урал» с прицепной коляской не заставил себя долго ждать. На встречу собрались всей семьей.

Федор с отцом выкатили мотоцикл из гаража на улицу. Папа сел за руль, надел синий мотоциклетный шлем, а зеленый протянул маме. Она села позади папы, но беспечно махнула на шлем рукой.

— Нет, без шлема ты не поедешь, — сказал папа.

Федор забрался в люльку. Много лет назад он сидел в ней на коленях у бабушки, а в ногах стояли ведра, полные ягод. Теперь ему пришлось подогнуть колени, иначе было не уместиться.

С третьего раза отец завел мотоцикл, и двигатель заревел: *дрын-дын-дын! Дрын-дын-дын!* Бирюзовый «Урал» помчался по асфальту.

Обогнули мусорный полигон и автомойку, пронеслись мимо заброшенной котельной из красного кирпича и выехали на брусчатку. До финишной прямой оставалось чуть-чуть.

Мотоцикл остановился возле забора, за которым стоял старый деревянный дом с голубыми ставнями. Бабушка частенько говорила, мол, на ставнях не мешало бы обновить краску, из дома выкинуть хлам и тряпье, а покосившийся забор выправить. Дедушка отвечал, что именно сейчас на это нет Времени. А что такое Время и когда оно есть, дедушка не уточнял.

Мужчина заглушил мотор. Мама помогла ему снять шлем. Дедушкины волосы, черные с сединой на висках, смешно взлохматились.

— Ну что, Федька, — сказал дедушка. — Ты же хотел прокатиться с ветерком? Получите, распишитесь, как грица.

— Да-а! Сегодня классно разогнались!

Федя выпрыгнул из коляски, помог вылезти бабушке, на чьих коленях ерзал всю дорогу. Подождав, пока дедушка отворит скрипучую калитку, первым забежал в огород.

Май догорал в солнечных лучах. В последний день месяца, когда семья собралась на даче, солнце припекало макушку даже сквозь косынку, повязанную на голове. Спасал ненавязчивый ветерок. Он волновал молодую траву и чуть слышно шелестел листьями. Где-то лаяла собака.

Мама зашла в дом, а бабушка отправилась в парники с огурцами и помидорами. Федька знал, что мама с бабушкой искали следы того, что приходили ОНИ.

ОНИ являлись, когда на даче не было никого. Творили тайные дела, питались овощами и ягодами с огорода и забирали что-нибудь из садовых вещей, прежде чем исчезнуть.

Когда ОНИ бывали на даче, настроение дедушки портилось. Федьке тоже делалось не по себе. Огород вовсе не был самым безопасным местом. Случись что, и дедушка не успеет его защитить.

В доме не было электричества, и прежде чем попасть в ближайшую светлую комнату, приходилось идти через темный и длинный коридор сквозь черную неразбериху теней, силуэтов и пыльного затхлого воздуха. Миновать коридор в одиночку Федька не рисковал: ОНИ могли затаиться за тумбочкой или в шкафу, прикинуться старыми тряпками, а может, и садовыми инструментами. А потом, едва скрипнет под ним половица, схватить его ледяными липкими лапами.

Он не знал, как ОНИ выглядят и какие у них лапы. Но был уверен, что ледяные и обязательно липкие.

Из теплицы выглянула бабушка:

— Двух леек недосчиталась. Опять приходили.

Федька тут же взглянул на дедушку: уголки губ опустились, морщинка между бровями сделалась глубже.

Федя вздохнул, сел на траву и достал из рюкзака тоненькую тетрадку, служившую дневником. В нем он рисовал самое важное, что приключалось за день. Красным карандашом вывел злую рожицу, дорисовал округлое тельце и длинные руки-грабли. В обеих руках желтым цветом изобразил лейки. Черный карандаш вывел под рисунком печатными буквами:

ОНИ БЫЛИ.

Пока он рисовал в дневнике, дедушка успел поработать на дачном участке длинной острой косой. Скошенную траву положил в большое металлическое корыто, к которому привязал моток белой веревки.

— А можно я тебе помогу увезти корыто с травой? — спросил Федька.

— Как ты сможешь? Корыто — оно знаешь какое тяжелое! Надорвешься везти, как грица.

— А я сяду в корыто и буду тебе говорить, куда ехать!

Дедушка снял с головы кепку, устало вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Отдыхай, помощник! — сказал он. — Дыши давай свежим воздухом. Даними сандалики. Пройдись хоть босиком по траве.

Затем он взял веревку и медленно потащил корыто в поле. Проводив его взглядом, Федька расстегнул сандалии, затем скинул их с ног. Страшился пройти по траве: мало ли какие там жучки-паучки. Но буйный запах свежескошенной травы опьянил, и Федя смело шагнул вперед. Еще шаг. И еще.

Трава была пружинистая и прохладная: летний ковер, сотканный маем. Участок казался выбранным под машинку, идти до жути щекотно. Он шагнул в сторонку, где трава была выше, как вдруг...

Ужалило ногу, и он отпрыгнул в сторону. Даже не заметил крапиву, и она цапнула без предупреждения.

Застегнул на ногах сандалии, нашел на земле длинную палку, как следует размахнулся и ударил крапиву. Вот тебе, получай, зараза зеленая!

Крапива виновато поникла. Но этого мало, ибо ступню жгло, как огнем.

Он бил снова и снова. Колошматил крапиву, не жалея сил. Была бы у него коса, пусть не такая большая, как у дедушки. Вжих-вжих, и нет в огороде крапивы. Им вдвоем здесь не место: или он, или она.

— Чем занят? — спросила бабушка.

— Бабушка, осторожно! Тут повсюду крапива, — ответил он.

— Обожгла тебя, да?

— Ага. Больно!

— А давай мы с тобой сорвем немного крапивы, пока она еще молодая?

— Зачем?

Крапива не заслуживала ничего, кроме презрения. Даже в перчатках прикасаться к ней не хотелось. Только бить палкой да топтать ногами.

— Бабушка знаешь какой вкусный суп тебе сварит! — сказала бабушка. — Ты такой суп никогда не пробовал. Пальчики оближешь!

Суп из крапивы был делом неслыханным.

— А он жесть не будет? — недоверчиво спросил он.

Баба Валя сорвала уцелевшие стебельки рукой в вязаной перчатке.

— А вот увидишь, — хитро прищурилась бабушка и положила крапиву в целлофановый пакет.

По страницам его дневника побежал человечек. Несчастный носился как угорелый, вопя от боли, а изо рта вываливался красный, обожженный крапивой язык.

СУП С КРОПИВИ.

Крапива могла появиться где угодно, неожиданно, как чертик из табакерки. Скрывалась в кустах и терпеливо караулила жертву. Гадина! И все же она не портила удовольствие от сладких и сочных ягод. В огороде росли запашистая смородина, нежная малина и ягоды крыжовника, похожие на мелкие арбузы. Кусты зеленели сами по себе. Им были нужны свет, тепло да проливные дожди. Каждый год урожай ягод семья собирала ведрами.

Только вот у соседей были ягоды слаще. Особенно сладкой Федьке казалась ирга. Ближе к концу июня появлялись ее первые спелые ягоды. Дерево росло за забором, но несколько ветвей свешивались на участок Фединогу дедушки. Как только спелая ирга на этих ветвях заканчивалась, Федя принимался за ветви на чужом участке. Тянулся через забор, насколько только позволял рост. Притягивал веточку, обирал до последней ягоды, затем отпускал. Ветка за веткой: притянул — отпустил, притянул — отпустил. Деревце плясало, словно девчушка на утреннике.

Он обнаружил в заборе узенький лаз. Взрослый в такой не пролез бы, а ребенок, типа него, запросто. Перебрался на соседний участок и набил полный рот сладких ягод, что были ему недоступны еще пару минут назад.

Хорошо, что дяди Вити и тети Оли не было дома: никто не спугнет его. Где-то поблизости заливалась лаем собака, ну и пусть. Соседи вернуться, а его уже след простыл.

— Ты чего, дружок, на участке у соседей делаешь?! — мама заметила его раньше, чем он ее. — Ну-ка бегом оттуда! А если соседи на дачу придут? Мне за тебя краснеть потом?

— Не придут! — ответил он.

— Откуда знаешь? Какой ты беспечный!

— Я печный!

Мама нахмурилась.

— Не спорь со мной. Иди лучше дедушке помоги сорняки прополоть. Он там, где у нас картошка растет.

Делать нечего, нужно идти. Мама просто так не отстанет.

Федька перелез сквозь щель в заборе, зашагал по вытопанной траве и завернул за угол дома.

Дедушка стоял у грядок. Он напомнил Федьке полководца, который обозревал поле будущего сражения. Клубни картофеля были окружены зеленой мокрицей, невысокой травой, и колючками. С вредителями предстояла грандиозная битва.

— О, помощник пришел! — обрадовался дедуля. — Посмотри, сколь травы наросло! Сейчас мы с тобой, как грица, наведем красоту и порядок. Отличишь сорняки от картофеля?

— Да! — ответил Федя с ноткой возмущения.

Вот же он, картофель. Вот его крупные и слегка волосистые листья на толстом стебле. А рядом растет худосочный сорняк с тонкими листьями. Сейчас он будет безжалостно вырван.

— Давай мы с тобой устроим соревнование? — предложил дедушка, протягивая вязаные пупырчатые перчатки. — Ты уберешь сорняки с этой грядки, а я в это время прополю соседнюю. У кого грядка будет чище, тот и молодец!

Федя надел перчатки, его руки в них утонули.

— Деда, а давай не «кто чище», а «кто быстрее»!

«Кто чище» было неинтересно. То ли дело «кто быстрее», даже не успеешь соскучиться. Однако дедушка усмехнулся.

— Э-э, нет! Хитришь, парень! Как грица, поспешишь — людей насмешишь. Знаешь такую поговорку? Не торопись. Делай, как надо, чтобы не пришлось за тобой переделывать. Договорились?

Федя кивнул головой.

— Готов? На старт, внимание... начали!

Дедушка согнулся над грядкой и принялся обеими руками выдирать сорную траву. Федя понаблюдал за ним пару мгновений и опустил взгляд.

Сорняков было много: маленьких и больших, сухих и сочных на вид, самых разных. Сильнее всего разрослась безобидная мокрица. Низенькая и до невозможности нежная, стебелек хрупкий, а корешки слабенькие, ими она почти не цеплялась за жизнь, не было сил возражать, что от нее избавляются. Федька перевел взгляд на сорняк с колючками. Вот он вполне мог за себя постоять: норовил уколоть пальцы даже сквозь перчатки с пупырышками, заставлял хватать его сильнее, иначе его было не вырвать из земли.

Пару колючек он пропустил. Дважды нечаянно выдернул картофельный куст. Хотелось расправиться с сорняками быстрее, чем дедушка. Вот удивится дедуля, если Федя управится раньше!

Через несколько минут дедушка выпрямил спину и объявил перекур. Никто в семье не курил. Дедушка давным-давно бросил, а Федька еще не сделал ни единой робкой затяжки.

По борозде вернулись к началу картофельных грядок. Внимательно осмотрев результат, дедушка произнес:

— Дай-ка я на твоей грядке пройдусь еще разок. Что-то не нравится мне такая прополка.

Федя тотчас же взбунтовался:

— Тогда я тоже за тобой всю грядку проверю!

То было напрасное возмущение. Федя понимал, что выполнил свою часть работы хуже, чем дедушка. Остатки мокрицы, колючек и лебеды, сорванные, но не убранные в борозду, лежали на его грядке и как бы укоряли его одним своим видом.

На дедушкиной грядке все сорняки были убраны подчистую, полоть было нечего. Но Федька упрямо вертелся между картофелем и выискивал малейшую соринку, лишнюю травинку, однако ни соринки, ни травинки не находил.

— Ну что, все проверил? — спросил дедушка.

— Да.

— Чисто?

— Чисто.

— А у тебя на грядке почему не так?

Федя опустил взгляд. По серой земле лениво полз дождевой червячок.

— Я же тебе говорил: «Поспешишь — людей насмешишь». Так и вышло. Ну как, не будешь теперь торопиться?

— Не буду.

И дедушка улыбнулся:

— Вот теперь — молодец!

Из-за угла дома вышла бабушка и позвала их обедать.

— Что-то я за картошку переживаю, — сказала бабушка на полпути к дому, — украдут, наверное.

— Что там красть-то? Не выросла еще! — успокоил дедушка. — Вот вырастет — украдут.

Как-то обреченно махнул рукой на зеленые клубни, а затем шагнул в дом. Федька поспешил следом. Пошел по мрачному коридору, не отставая от дедушки. Тряхнул головой в надежде избавиться от тревоги. ОНИ не сцапают его рядом с дедушкой и не погубят урожай!

Федька мучительно размышлял, можно ли навсегда отвадить незваных гостей от чужой дачи, но ничего так и не придумал. Решил, что ОНИ не посмеют, и не о чем здесь говорить.

Переступив порог залитого солнцем зала, он сощурился от солнечных лучей. В граненый стакан бабушка налила морс из прошлогодней смородины. Федя выпил прохладную жидкость залпом, и на дне стакана попалась ягодка. Быть может, именно он сорвал ее прошлым летом на огороде. Раскусил ягоду, и переживания отступили. Растянулся на старой железной кровати и не заметил, как задремал.

В июле ОНИ напустили на картошку колорадского жука.

Бабушка, мама и дедушка взяли пластиковые стаканчики из-под пюре и ушли на картофельное поле. Вначале Федька наблюдал издали, как семья возится на грядках. Потом подошел ближе и заметил, что на листе лениво копошились жирные личинки красного цвета с черными пятнышками.

- А этих вы пропустили! — крикнул Федя.
- Где пропустили? — дедушка взглянул на куст. — Да уж, правда твоя.
- И там еще были.

Как бы между прочим Федька махнул рукой в начало грядки.

- Ишь какой ты глазастый! — рассмеялся дедушка.

Найдя еще один стаканчик, он дал его Федьке:

- Поможешь собрать.

Федька встал у картофельного куста, взял большим и указательным пальцами мягонькое тельце личинки. Она вяло шевелилась в его пальцах. Захотел сжать ее сильнее, сильнее, но не смог, ибо слишком беззащитной и ни в чем не виноватой казалась она.

Вчетвером они быстро очистили поле от прожорливых насекомых, а затем высыпали их в большую стеклянную банку. Жирные красные личинки с темными пятнышками тихонечко шевелились, лениво и неохотно наползали друг на друга, падали и совсем не пытались выбраться из ловушки. От них тянулся едва уловимый душок, но мама и бабушка наотрез отказались понюхать содержимое банки.

- Что мы сделаем с ними? — спросил Федя.
- Вернем заразу американцам в Колорадо! — заявил дедушка.

Он закупорил банку и зашагал к деревянной калитке.

- Айда! — позвал он.

Если верить детским энциклопедиям, Америка была далеко, очень-очень далеко. Неужели дедушка вправду отправился на почту, дабы выслать жителям Колорадо банку, что кишела личинками. Не может такого быть. Наверное, дедушке напекло голову. Или того хуже: ОНИ завладели его разумом, и теперь он вел себя странно и глупо. Надо позвать на помощь, крикнуть кого-нибудь.

Дедушка дал подержать Феде банку и закрыл за ними калитку. А после свернул не в сторону почтового участка, а налево, в поле, где дачники оставляли скошенную траву. Испуг сменился удивлением, и Федя молча отправился вслед за дедушкой.

На пути был крутой спуск. Дедушка попросил быть осторожнее:

- Не укатись, а то бабушка твоя голову мне открутит!

Федя осторожничал. Упасть не так страшно, хуже подвести тем самым дедулю.

- Осторожно, не задень борщевик!

Ни одно растение не походило на борщевик по коварству и злости, даже крапива. С ней была любовь-ненависть: Федька полюбил бабушкин суп из крапивы, ему нравилось колошматить ее палкой, но когда она жалила — ненавидел.

Борщевик было любить не за что. Он и не пытался казаться таким, каким бы его полюбили. Рос тощим, язвительным и вонючим, словно махнул рукой на попытки что-нибудь поменять в жизни. По рассказам дедушки, борщевик жил былыми заслугами — когда-то он был нужен в сельском хозяйстве, — а теперь просто заполнял собой как можно больше полей и оврагов.

Дедушка и Федя вышли на поле, широкое и просторное. Федя тотчас же скинул сандалии, затем с криком и гиканьем пробежался босыми ногами по сочной траве и с разбегу плюхнулся в стог сена.

Лежа на мягкой, немного колючей подстилке, он любовался видом вокруг. Разноцветные полевые цветы тянулись к солнцу, а над ними порхали бабочки. На горизонте виднелись поселковые домишки. Вдали по железной дороге неспешно шел товарный состав, тащил не то цистерны, не то огромные сардельки. Машинист подал гудок, чтобы спугнуть с железнодорожных путей зазевавшихся путников.

Рядом журчал ручей. Дачники и прочие жители Чуди называли его Акчетонвог. Что-то жуткое слышалось Федьке в названии, потому он никогда не произносил его вслух.

Дедушка встал у воды. Подойдя к нему, Федька забрал банку с жуками.

— Бросай! — сказал дедушка.

Федя как следует размахнулся. Бултых! — и поток ручейка проглотил банку.

— Что дальше? — спросил Федя.

— Дальше, как грица, течение сделает свое дело.

— Как?

— Эта речушка ведет к ручью покрупнее. Тот в свою очередь — к более крупной реке.

А река впадает куда?

— В море.

— Правильно — в море. А море ведет в океан. Так, того и гляди, доплывет наша баночка до берегов Америки.

Федя смотрел на ручеек, прислушиваясь к журчанию. Он думал, что Америка далеко, а она оказалась близко, буквально рукой подать, нужно только проплыть по волнам. Ничего не случится с баночкой по пути, потому что дедушка завинтил крышку крепко-крепко.

Он обернулся. Дедушка собирал в букет ромашки, анютины глазки и «часики», чтобы порадовать бабушку.

Когда Федя и дедушка вернулись на огород, в дневнике красные точки поплыли по голубым волнам, скрывающимся за горизонтом.

КАЛАРАЦКЙ ЖУЖ.

Дорисовал и понял, что проголодался. Заметив движение в окне, понял, что мама сейчас на кухне. Спрятав тетрадь в рюкзачок, подошел к крыльцу дома и заглянул в коридор.

— Мама! — позвал он. — Бабушка! Деда!

Никто не ответил. Видимо, все были слишком далеко, чтобы услышать. А кушать хотелось сильно. Крепя сердце он шагнул на ступеньку, вторую и зашел в дом.

Что-то не так. Повисла неестественная тишина: лай собаки исчез, пропали щебетание птиц и шелест листвы на деревьях. Сейчас он в Стеклойной комнате, любуется цветными стеклышками витражей, наслаждается тишиной, а не боится ее до дрожи в коленках. Только вот сильный запах пыли и ветоши возвращал его из Комнаты в реальность.

Куда бы ступить, чтобы не скрипнула половица. Он посчитал как-то раз, что до светлой гостиной чуть больше десяти шагов. Точнее узнать Федька не мог, потому что умел считать только до десяти, больше на руках не хватало пальцев. Что он знал точно: на шестом и девятом шаге скрипят половицы.

Глаза чуть привыкли к мраку, и он огляделся. Скалой возвышался шкаф. Бутылки с мертвой водой стояли на тумбочке. На стене висела картина, он увидел незнакомую девушку, сидящую не то на диване, не то в карете. Девушка облачилась в мрачные одежды: черная шуба или пальто, такого же цвета шапка с помпоном. Незнакомка нахмурила густые брови, презрительно посмотрела на Федьку. Взгляд эхом откликнулся в его голове: «Ты глупый маленький мальчик. Думаешь, переживешь встречу с ОНИ лицом к лицу? Что ж, посмотрим».

Взгляд ее был неприятен, и Федька поспешил отвернуться. Огненная вспышка взорвалась в голове. Взгляд сосредоточился на шкафу: со скрипом распахнулись массивные дверцы. Явило себя черное нутро.

В нем он увидел ОНИ.

Волна ледяного, беспросветного ужаса накрыла с головой. Разучился говорить, дышать, двигаться. Если не отвести взгляд, то лишится рассудка, упадет замертво. Но глаза продолжили смотреть на силуэт чернее кремешной тьмы.

ОНИ в шкафу.

Зажмурил глаза, побежал. Споткнулся, ударился лбом о что-то твердое. Растянулся на полу, заревел.

Сверху съпалось нечто маленькое, холодное. Колючее! С грохотом у его головы упал какой-то предмет.

— А-а, не надо!!!

— Что случилось?! — услышал он мамин голос. — Господи, что тут творится?!

Он рыдал во всю мощь легких. Не слышал, что говорила мама. Не замечал, как она вела его в зал.

Федя рухнул на железную кровать. Она спружинила. Раньше Федьку это забавляло. Теперь же он давился слезами и пытался объяснить маме, что произошло в коридоре.

— Там! Там, в шкафу! Я видел!

— Что ты видел?

Он всхлипнул.

— Тебе показались. Там нет ничего, только халат и старая шляпа на полке, — сказала мама. — И дверь иногда сама открывается, потому что шкаф очень старый. Когда я была маленькая, он стоял в моей комнате. Я даже нарисовала на дверце девочку с обезьянкой. Пойдем, покажу.

— Не пойду! Не пойду! Не пойду!

— Хорошо-хорошо, успокойся, — мама наклонилась и вытерла его лицо платком. — Ладно, что не поранился. А то дедушкины гвозди рассыпал и молоток чуть на тебя не упал.

Она поцеловала его и приложила ко лбу холодный компресс.

— Шишка все-таки будет. Проголодался? Сейчас что-нибудь сообразим.

Мама щедро намазала подтаявшим сливочным маслом ломоть батона, сверху положила душистый кругляш сервелата. Как следует вымыла свежий огурец, наверняка только что из теплицы, и вытерла полотенцем так, что он заскрипел. Затем нарезала ровными дольками и пару положила на бутерброд.

Мама проводила Федьку до лавочки у крыльца. На свежем воздухе есть бутерброд вкуснее. Федя убедился, что лавочка не занята каким-нибудь жучком или паучком, и присел. Откусив бутерброд, посмотрел на изумрудную траву, что росла на крыльце.

Сколько жизни было на этом островке зелени!

Работяга муравей карабкался вверх по травинке, словно рабочий завода по дымовой трубе. Подул ветерок, травинка качнулась, но муравей удержался. Трудяга не мог позволить себе подвести других муравьев.

Рядом полосатый шмель деловито уселся на лютик. Шмель не был опасен, потому что он добрый и мягкий, в отличие от шершня или осы. Недавно дедушка обнаружил осиное гнездо под крышей дачного дома и побоялся его сбить.

На глаза попала гусеница до того омерзительная, что он не смог отвести взгляд. Казалось невероятным, что пушистая дрянь превратится в прелестную бабочку.

Хотелось встретиться с божьей коровкой и попросить ее улететь на небо, где ее детки кушали конфетки. Может, и ему принесла бы конфету. А еще хотелось увидеть маленький живой вертолет. То была стрекоза. Но вместо нее на лавочке появилась зеленая жирная муха. Уставилась на него пустым взглядом жутковатых глазищ и стала потирать «ручонки» в ожидании лакомства. Захотелось плюнуть на муху, но она раскусила его замысел и скрылась, едва он набрал полный рот слюны.

Все жужжало, стрекотало и гудело. Возмущенно каркала ворона, ибо сегодня людишки снова вторглись в ее владения. На соседнем участке бестолково тявкала собака по имени Тишка. Мимо вальяжно прошел соседский кот Васька. Федя кис-киснул

его, но усатая морда не обратила внимания. За прохвостом нужен глаз да глаз. Однажды он стащил у Федей кусок ветчины.

— Что, опять Васька к нам в огород забрался? — появился на крыльце дедушка.

Он топнул ногой, отчего кот юркнул в заросли травы.

— Никакой пользы нет от этого кота! Как грица, дом не охраняет, мышей не ловит. Только колбасу у соседней ворует да за птичками в огороде гоняется.

Дедушка присел рядом с Федей.

— Мама сказала, ты темноты испугался.

Федька молча смотрел на травинку.

Вынув из кармана небольшой фонарик желтого цвета, дедушка протянул его Феде. Федя взял его, повертел в руках и включил. Свечения не появилось, фонарик был сломан, или в нем сели батарейки.

— Что-то не вижу света, — сказал Федя.

— Напротив, его здесь слишком много.

Дедушка забрал фонарик и выключил.

— Без тьмы не будет света, — сказал он. — Знаешь, Булгаков не мой любимый писатель, но с рассуждениями Воланда можно согласиться. Как думаешь?

Федька ничего не понял, но на всякий случай кивнул головой.

— Угу.

— Пойдем со мной, — позвал дедушка.

Они подошли к крыльцу и остановились у темного коридора. Дедушка снова включил фонарик, дал его Федьке и указал рукой в прихожую дома, мол, ступай. Поднявшись по ступенькам крыльца, Федя оглянулся на дедушку. Он остался стоять на улице, только кивнул головой: дальше иди один.

Федя вздохнул и направил фонарик в недружелюбную темноту. Яркий луч порвал черную материю, которой был окутан коридор. Свет показал Феде истину. Шкаф во все никакая не скала, а всего-навсего жалкая развалина. Вода в бутылках на тумбочке не мертвая, а живая. Бабушка и мама поливают ею грядки, если долго не идут дожди и земля пересыхает. Да и настенная картина не более чем выцветший и измятый лист бумаги.

Федя осветил в глаза Незнакомки. Показалось, что девушка скривила губы и недовольно зажмурилась. Федя успокоился и даже чуть-чуть улыбнулся.

Довольный, он вернулся на крыльцо к дедушке и обнял его.

В конце июля собирали смородину. Феде приглянулся пышный куст у забора, и он залез под колючие ветки. Одну ягоду отправлял в ведро, другую прямиком в рот.

Спелые крупные ягоды норовили сорваться с веток. Федя опирался коленями о сырую землю, чтобы отыскать упавшую смородину в тени под кустом. Тонкая кожица лопалась в руках, мякоть пачкала пальцы, а к ладошкам прилипали обрывки листьев.

— Чумазый как поросенок! — сказала мама. — Сейчас в бочку тебя посажу — отмокать будешь! Подожди только, вода еще не нагрелась.

Раньше в огороде утопала в зарослях сорной травы ванночка, рыжая от ржавчины изнутри, белая снаружи. Хлюпать в ванне нравилось Феде не меньше, чем в бочке. Было в радость усесться на краю ванны, опустить ноги в желтоватую воду и бултыхаться, пока мама не скажет: все, хорош!

В ванночке попадались жуки и букашки, а с ними всегда интересно играть. Но в особо удачный день он ловил в ней ящериц.

— Ты что делаешь?! — воскликнула мама.

— Папа сказал: если хвост ящерицы оторвется, то вырастет потом снова!

— Ну и что? Если тебе что-нибудь отрезать или оторвать, тебе будет приятно?

— Вы с папой и так отрезаете мне ногти на руках и ногах, даже когда я не хочу их стричь, — буркнул Федя.

Все же почувствовал, как что-то зажглось в животе и груди. Огляделся, но крапивы поблизости не оказалось. Все же он решил больше не обижать ящериц.

ОНИ утащили ванночку, оставив в саду одну лишь бочку.

Когда июльская улица превращалась в пышущую зноем печь, было безумно приятно нырять в спасительную прохладу воды. Федька плескался, как лягушонок, разбрызгивая воду. Звал дедушку, пытался окатить его с ног до головы. Дедушка уворачивался в последний момент, а Федька заливался счастливым смехом.

Окунувшись с головой, он попытался достать рукой до гладкого дна. А когда вынырнул, то понял, что взрослые чем-то встревожены.

— Люди!!! — услышал он крик. — Срежь бела дня! Совсем страх потеряли!

Кричал дядя Витя, сосед по участку. Дедушка с бабушкой стояли возле забора, мама спешила туда же.

Федька выскочил из бочки, трава смягчила прыжок. Набросил футболку и шорты и побежал посмотреть. Остановившись у забора, заглянул в щель между парой досок. Рот открылся от удивления, глаза распахнулись широко-широко.

Дядя Витя поймал ОНИ.

Это был невысокий щуплый паренек, одетый не по погоде. Стояла жара, но на тщедушных плечах болталась выдавшая виды куртка, а ноги были обуты в башмаки, которые просили каши. Лицо, одежду и обувь парнишки покрывала грязь. Он напоминал огородное пугало, смешное и жалкое в попытках кого-нибудь напугать. Смотрел перед собой пустыми и затравленными глазами.

Сосед держал его за шиворот старой куртки.

— Для чего ты хотел стащить мои грабли?! — голосил дядя Витя. — На металлолом сдашь, да? Скажи на милость, зачем?!

Парнишка что-то ответил.

— Хлебушек купишь?! — прокричал сосед. — Знаю я, какой хлебушек ты купишь! Вот я тебя этими граблями, да по хребтине!!!

Было страшно наблюдать за соседом. Лицо покраснело, глаза вылезли из орбит. Дядя Витя словно утратил человеческий облик. Если бы он застукал Федю на своем огороде, когда поспела ирга... нет, об этом лучше не думать. Хорошо, что мама в тот день прогнала его с чужого участка.

Федя не стал ждать, чем закончится сцена. Он уединился в густых кустах гороха, подальше от криков соседа. Затем сорвал зеленый стручок и повертел его в руках.

Он все думал, где живет паренек. Пружинит ли его кровать, или же он спит на жестких досках? Интересно, когда в последний раз он ел вкусную и горячую пищу? О чем думает он, когда просыпается, и с какими мыслями ложится спать? А ведь его мама и папа как-то допустили, чтобы сын сделался пугалом. Может, ни мамы, ни папы не было вовсе.

Федька съел последнюю горошинку. Положил пару стручков в карман и нащупал там дедушкин фонарик. Вынул его из кармана, пощелкал кнопкой включения света.

Уж не этот ли человек стащил ванночку с огорода... Пускай она была грязная, ржавая, все же ее было жалко. Но совсем не так жалко, как худенького воришку.

В тот день он твердо решил никогда больше не воровать ягоды с чужого участка.

В августе стало прохладней, участились дожди. Деревья лысели, их желтые листья покрывали дорогу. Больше не заливались пением птицы, и даже Тишка гавкал уже не так радостно, словно предчувствовал долгие холода.

Чтобы пожарить шашлык, дождался погожего и солнечного воскресенья. Поставив на землю мангал, папа насыпал в него углей и накидал скомканные кусочки газеты. Федя принес тетрадь. Потрепанная и помятая, она сохранила память об июне, июле и августе на огороде у бабушки с дедушкой. Он раскрыл ее и вырвал страницу, другую и третью.

— Зачем ты рвешь тетрадку с рисунками? — спросил папа. — Все лето же рисовал.

— Да, — ответил Федя. — Все лето. И теперь шашлычок получится самым вкусным. Все летние дни будут в нем, все самое интересное.

Скомкав тетрадные страницы, он положил их рядом с газетными обрывками. Папа бросил в мангал горящую спичку.

Сочное мясо с прозрачным лучком томилось в вкусном маринаде, пока не оказалось на шампурах. Папа бережно положил шампуры на мангал. Куски мяса приятно заблестели в лучах солнца, но вскоре покрылись поджаристой корочкой. Лук обуглился по краям. Вскоре закапал сок, и белесые угли зашипели.

— Смотри, чтобы не подгорел, — наказал Федьке папа.

Федя сел на раскладной стульчик возле мангала. Аромат шашлыка дразнил так, что он не успевал сглатывать слюну. Едкий дым повалил в лицо. Он передвинул стульчик в другую сторону, но направление ветра сменилось, и дым снова щипал глаза. Так мучить бессовестно и нечестно!

Бабушка предложила «заморить червячка» куском «Докторской» колбасы, но Федя отказался. Не хотел портить вкусовую палитру и заставлять желудок отвлекаться на ерунду. Папа отщипнул кусочек лучка с шампура и отдал его Феде. Этот хрустящий лучок он с удовольствием съел.

Когда терпеть стало невыносимо, папа объявил, что шашлык готов:

— Все, хорошо! Горячо, не сыро.

Папа и дедушка вынесли стол из дома под раскидистую березу. Бабушка постелила светлую узорчатую клеенку. Затупившимся дачным ножиком толстыми ломтями нарезала хлеб. Мама настрогала салат: огурцы, помидоры, укроп и зеленый лук — все свое, только что с огорода, и словно само лето оказалось в тарелке. В центр стола папа поставил блюдо, на котором лежали шампуры с ароматным горячим шашлыком.

Папа взял в руки видеокамеру. Смутившись, мама тотчас же отвернулась, Федя оскаллился в довольной улыбке и вонзил зубы в кусок мяса, политый кетчупом. Бабушка помахала в камеру, а дедушка улыбнулся и проворчал:

— Ты лучше Федьку пойдй снимай. Меня-то зачем...

В гости заглянули соседи, да не с пустыми руками. Они принесли банку груздей и бутылку с напитком алого цвета.

Дядя Витя протянул Федьке стаканчик зрелой ирги.

— Последние ягоды в этом году, угощайся, — подмигнул он.

За столом места хватило всем. И кот Васька был тут как тут. Терся о соседские ноги и получил-таки кусочек колбаски.

— А ты не вейся, да черный ворон, над моею головой, — вдруг затянул сосед.

— Витя! Да больно мрачно, отстань! — сказала тетя Оля.

— Какая у тебя любимая песня? — спросил папа у дедушки.

— Да какая у меня любимая песня...

— Как это «какая»? А на юбилее у тещи как распевал! Живе-ет моя отрада...

— В высоком терему...

И разносился под березой нестройный хор голосов:

А в терем тот высокий
Нет хода никому,

А в терем тот высокий
Нет хода никому...

Федя не любил, когда взрослые начинали петь за столом. Делалось скучно, он не знал, чем занять себя в такие минуты.

Он вышел из-за стола, включил фонарик и отправился в дом.

— Я — шоколадный заяц, о-о-о! — напевал Федя себе под нос, пока шел по скрипучим половицам.

С интересом взглянул на шкаф, где жили девочка с обезьянкой. Затем потрогал бутылки с холодной водой, а после кивнул Незнакомке, проходя мимо. Она только хмыкнула и ничего ему не сказала.

Больше всего он любил наблюдать, как дедушка заливал в бензобак мотоцикла бензин. Появлялись прозрачные волны и искажали очертания бензобака. Федьке нравились педали, рычаги управления и четыре разноцветные лампы на панели приборов.

Он спрашивал дедушку обо всем интересном, что замечал на мотоцикле, а интересным ему казалось все. Дедуля собирался в дорогу, а заодно говорил названия педалей и рычажков и объяснял значения цветных лампочек. Только Федька все равно забывал почти все, что услышал... и спрашивал в другой раз снова.

— Можно сегодня без шлема? Пожа-алуйста, — попросил Федя.

— Нет, без шлема ты не поедешь.

Пришлось надеть громоздкий и тяжелый мотошлем. Никак не удавалось отделаться от мысли, что однажды его голова застрянет в нем наглухо и придется так идти в детский садик.

Дедушка убедился, что мама села на заднее сиденье, а бабушка с Федей заняли место в люльке. Надев шлем, он устроился на сиденье водителя.

— Деда, ты вон тот рычажок нажимай! — показал Федька на рычаг между коляской и мотоциклом.

— Спасибо! Что бы я без тебя делал? — послышался дедушкин голос из шлема.

Диалог повторялся каждый раз. Это был такой небольшой ритуал перед отправлением в путь. Тем самым Федя, как мог, намекал дедушке, что позабыл не все из услышанного и знает, как завести мотоцикл. Значит, Федька не безнадежен, и однажды наступит день, когда он сядет за руль мотоцикла, а дедушку отправит в люльку.

Дедушка потянул рычажок, повернул ключ зажигания. На щитке приборов вспыхнула зеленая лампочка. Он трижды нажал на педаль пускового механизма, и мотоцикл завелся.

Дрын-дын-дын! Дрын-дын-дын!

Выждал пару секунд, чтобы прогрелся двигатель, переключил на первую передачу, и они отправились в путь.

Миновали соседские садовые участки, после чего выехали на брусчатку. Через минуту открылся великолепный вид на поле, где лежала скошенная трава. Показался ручей, что вел в Колорадо. Вдали виднелся железнодорожный мост, где неспешно катились цистерны-сосиски.

Мотоцикл разогнался. Врум! Врум! Миг тишины. Вр-ру-у-ум! Вр-ру-у-ум!

Как хотелось растянуть время, удержать и продлить мгновения счастья, словно остатки прохладного лимонада в жаркий день, последний вечер уходящего лета, финальный день в школе перед выпускным балом. Хотелось не отпускать то, что охота смаковать еще и еще, и, как назойливую муху, приходилось отгонять от себя мысль, что все в мире рано или поздно подходит к концу.

Свернув с дороги, папа остановил мотоцикл у гаражей. Заглушил мотор и помог маме слезть с пассажирского сиденья. Федор выбрался из коляски, но протянул туда руку, чтобы достать какой-то предмет, который нашупал ботинком во время поездки.

Навстречу им вышел усатый мужичок в кепке.

— Вижу, вы всей семьей! — сказал покупатель.

— Да, решили прокатиться в последний раз. Пятьдесят лет нашу семью катал — жаль расставаться.

Федор вытащил из коляски предмет и показал его папе.

— Откуда он там? — удивился папа. — Вроде все просмотрел.

Маленький желтый фонарик лежал на ладони Федора. Он крепко сжал его в руке.

— Спасибо, бабушка.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Она так и не появилась. Федор тяжело вздохнул и грустно улыбнулся отражению в окнах кофейни.

Терпкий запах эспрессо, разговоры, смех посетителей, легкая и глупая музыка с каждой минутой раздражали все больше и больше. Он беспокойно смотрел по сторонам. Миниатюрная девушка просила у лысеющего бородатого мужчины купить ей клубничный тарт. Худенький юноша в круглых очках снимал пенку с капучино тоненькой ложкой и с интересом поглядывал на бариста. Веснушчатый парень, на несколько лет младше Федора, целовал рыжеволосую спутницу с таким усердием, будто хотел откусить ее губы.

Федор залпом допил остывший кофе, поднялся из-за стола и задвинул стул. Накинул пальто и покинул заведение под вежливый баритон бариста:

— Доброго вечера, приходите еще!

Пару недель назад он познакомился в тиндере с красивой кареглазой девушкой по имени Даша. Она живо откликнулась на предложение пообщаться, сразу подписалась на него в социальных сетях. Много шутила, присылала забавные картинки, отправляла голосовые послания днем и ночью и, казалось, находила его интересным собеседником. Но вот сейчас, когда условились о встрече в кофейне на Вайнера, она почему-то не пришла.

Но не это было самым неприятным. Даша оставила его наедине с неведением, ибо никак не объяснила свой поступок. Не предупредила о том, что планы вдруг изменились, не отписалась принятыми для таких случаев словами: «Прости, все как-то слишком быстро, а я не хочу торопиться».

На серой улице моросил противный дождь, холодный ветер колыхал желтые листья. Шумно летели по дороге машины, разбрызгивали по сторонам грязь. Федор не заметил, как наступил в глубокую лужу на тротуаре. Ледяная вода смыла пыль с правого ботинка, но мгновенно намочила стельку.

Прокуренный подъезд встретил его темнотой: кто-то снова выкрутил лампочку. На ощупь открыл дверь в квартиру. Скинул верхнюю одежду и, не включая свет, прошел в ванную. Там он поставил ботинки на старенькую, едва теплую батарею и встал под горячий душ.

— А ты не пришла, да ну и фи-иг с тобо-ой, — пропел Федор.

Сверху чихнул пожилой сосед, громко, с подвывертом: *а-пче-пчи!* Случались вечера, когда это был единственный звук, что Федор слышал от какого то ни было человека. Он давно не жил с родителями, друзей видел только по выходным, а что до личной жизни... его Даша так и не появилась.

По-прежнему не включая свет, прошел в спальню, задернул шторы и забрался под толстое одеяло. Попытался ни о чем не думать, но тем самым разворошил улей непрошенных мыслей. Молча отправить ее в черный список или же написать ей? А если написать, то что именно? Наверное, у нее была какая-то причина остаться дома. Простудилась? Сейчас легко заболеть, вон какая мерзкая погода на улице. А может, вдруг сорвалась в поездку в соседний город, в чужую страну, на другой континент?

Последнее, что он увидел сквозь полузакрытые веки: закрытая темная дверь, что вела в мрачную пустоту коридора. Картина, на которой росли сосны в солнечном свете и рожь, что обходила их колосками. Массивный шкаф, на котором покоилась в горшке умирающая бегония. Гладильная доска, прислоненная к шкафу.

Прошлый вечер мама простояла у гладильной доски с утюгом в руке, дабы сегодня на Феечке сияла белоснежная отутуженная рубашка и темные брюки, а папа возился с обувной щеткой и гуталином, чтобы у Феи сверкали начищенные до блеска черные туфли.

Гребешком с тонкими зубьями мама причесала Феечкины непослушные волосы и положила в карман его брюк чистый платок.

- Вчера только в садик отдали, а теперь погляди! — сказала она.
- А что на меня глядеть? — спросил Федя.
- Как это «что»? — сказал папа, — Вон как ты вымахал. Растешь как на дрожжах.
- А вы с мамой что, не растете?
- Нет, увы. Только стареем потихоньку.
- Неправда! — выкрикнул Федя. — Вы не стареете! Вы останетесь такими всегда!
- Хорошо, пусть будет по-твоему.
- Обещай!
- Обещаю.

Дети толпились в душном, плохо освещенном коридоре, который заканчивался темно-коричневыми дверьми с позолоченными ручками. Из-за дверей на черно-белые плиты пола лился солнечный свет. Слышались приглушенные голоса родителей. Рядом с детьми стояла Татьяна Николаевна в строгом бордовом платье.

Мальчики о чем-то тихо перешептывались друг с другом, поправляли ремни на штанах, то и дело косились на высокие двери. Сережа щеголял в клетчатом пиджаке и бабочке, каштановые волосы были аккуратно зачесаны назад. Вася ходил, опустив коротко стриженную голову, на которой смешно торчала бойкая челочка.

Девочки не пришли. Вместо них явились разодетые в платья принцессы с пышными бантами в завитых волосах. Жаль, они не наряжались так каждый раз, когда приходили в садик, иначе он давно бы заметил, какие они все же красивые.

— Где Орешек?

Время шло, а она не появлялась. Федя перешагивал с белой клетки на черную, с черной — на белую и с каждой минутой тревожился все сильнее.

Последняя весна в детском садике научила их вальсу. Федя не горел желанием крутиться и вертеться под музыку, им поочередно владели то раздражение, то равнодушие. Он считал танцы занятием глупым и противоестественным деревянной своей природе.

Их провели в большой светлый зал. Феечка привычно взглянул на зеркала, висевшие на стене по правую руку, зеленый ковер под ногами, хрустальные люстры над головой. Здесь проходили утренники.

Разделили детей на пары, мальчик с девочкой. Федя не смог попросить, чтобы его поставили в пару с Орешком, потому как не нашел нужных слов и не высказал вслух. Но его потаенное желание исполнилось.

— Девочки, вставайте спиной по ходу движения, а мальчики — лицом! — командовали воспитатели им, растерянным и взволнованным. — Мальчики, протяните ладо-

ни. Девочки, возьмите мальчиков за руки. Вот у нас с вами получился круг, будто лучистое солнышко. А теперь, девочки, положите левые руки на плечи мальчикам. Мальчики, возьмите девочек за поясницу. За поясницу, Васенька! Где у Дашеньки поясница?

Замечая ребячьи ошибки, воспитатели требовали безупречных движений. Иногда сердились и повышали голос:

— Круг движется в эту сторону! Ножка, которая танцует, смотрит всегда из круга! Девочки делают шаг назад! Мальчики делают шаг вперед! Движется круг, движется! Шаг, и повернулись! Шаг, и повернулись!

Однако ему не удавалось выполнить ничего. Руки и ноги существовали сами по себе, независимо от того, что хотела от них голова. Тело не выполняло команды, не слушалось. Бывало не раз, что Федя не подчинялся взрослым и делал, что хотел. Теперь же он не слушался сам себя. Было досадно, а потому он быстро терял интерес к танцу.

— Лучше бы в вышибалы поиграли, — говорил он.

— А мне интелесно, — отвечала Орешек.

— Что в этом может быть интересного?

— Если хочешь, потом можно поиграть в дочки-матели.

— Да ну. Тогда уж в догонялки какие-нибудь или в прятки.

— Да, можно и в плятки.

Он замечал, что воспитатель пристально смотрит на него, и двигался в такт. Вместе с Орешком неохотно обходил круг, размышляя: «Пусть танцуют те, у кого получается. Глупые танцулькины, у которых вместо мозгов манная каша».

Он не заметил, как сам превратился в танцулькина. Понял это, когда в конце очередной репетиции заслужил от воспитателей не замечания, а улыбку и похвалу. Орешек порадовалась за него. Все наставления воспитателей девочка легко схватывала и спокойно, неторопливо выполняла все, что хотели взрослые.

— Петр Ильич Чайковский! — объявила на одном из занятий воспитательница. — «Метель»!

Торжественная, волнующая и немного грустная музыка наполнила зал. Нельзя было сказать, что Федьке нравилась мелодия. Когда он услышал ее, сразу понял, что что-то уходит от него безвозвратно, навсегда, и, как раньше, уже не будет.

Мелькали окна и зеркала вокруг, они с Орешком кружились в танце. Он чувствовал сладкий запах ее шампуня. Боялся, что и она исчезнет после утренника. Он не увидит больше этих густых ресниц, преисполненный грустью взгляд карих глаз.

— Тебе ведь нлавится танцевать? — спросила Орешек.

— Ну-у, — замялся Федя. — наверное, нет.

— Зачем обманываешь? Ведь нлавится, плава! Ну, скажи мне.

— Ну...

— Я догадалась. У тебя делается такое смешное лицо, когда мы танцуем.

— Какое?

— Говолю же — смешное.

Мелькнула мысль посмотреть в зеркало, чтобы увидеть выражение своего лица. Но он не захотел отвлекаться от вальса.

И теперь, когда позади столько усилий и репетиций, а в зале сидят мама и папа с видеокамерой, Орешек все никак не появлялась на их последнем утреннике.

Двери открылись, в коридор вышла Нина Дмитриевна в красивом бежевом платье.

— Все готовы? — спросила она и посмотрела на ребят.

Увидела, что Федя одиноко стоит возле стенки и то и дело кидает взгляд в начало коридора. В любой миг там могла появиться Орешек.

Брови воспитателя сложились домиком. Мягким голосом, полным сожаления, женщина сказала:

— Мы больше не можем ждать.

— Давай, — ответила Татьяна Николаевна. — Время не терпит.

Нина Дмитриевна вернулась в большой зал.

— Дорогие мамы и папы, дедушки и бабушки! Мы начинаем выпускной бал!

Им предстояло войти в зал парами, держась за руку, сделать круг и остановиться, выслушать речь воспитателей. А затем должен был начаться вальс.

Заиграла музыка. Двери в актовый зал распахнулись. Даша потащила Васю вперед, и они растворились в ослепительном свете. Следом за ними шагнула вторая пара. Потом третья и следующая...

В последнюю секунду Татьяна Николаевна сказала, чтобы Федя вышел в зал вместе с Петей, который по какой-то причине тоже остался без пары. Петя взял его за руку, и словно холодная сырая лягушка прыгнула на ладонь Феде. Волна отвращения пробежала по телу. Татьяна Николаевна попросила их не держаться за руки, а только пройти по залу рядом друг с другом. Федя быстро отпустил «лягушку» и вытер ладонь о штаны.

Они шагнули в зал последними. Послышался шепоток, некоторые родители заулыбались, кто-то округлил глаза. Ни радости, ни умиления в глазах мамы и папы не было. Звякнул колокольчик: Вася хохотнул серебристым смешком.

Обошли зал по кругу, и Петя быстренько шагнул влево, где стояли остальные мальчики. А Феде ничего не оставалось, как сделать шаг вправо к девочкам.

— Добрый вечер, дорогие гости! — сказала Нина Дмитриевна. — Добрый вечер, дорогие дети!

— Сегодня радостный и немного грустный праздник, — подхватила Татьяна Николаевна. — Радостный, потому что маленькие девочки и мальчики окончили детский садик, а это — первая ступень во взрослую жизнь...

— ...Грустный, потому что дети уходят из страны Кукляндии в страну Знаний, которая находится на соседних школьных островах...

После этих слов будет вальс, а ему танцевать не с кем. Готовый провалиться сквозь землю, он рассматривал зеленый ковер под ногами и отчаянно желал, чтобы слова никогда не заканчивались.

Но вот слышались первые ноты «Метели». Мальчики протянули девочкам руки, девочки ответили на приглашение. Пары закружились в танце, а он остался на месте, не зная, что делать дальше.

Он тихо заплакал. Нина Дмитриевна хотела обнять его, но он увернулся. Побежал прочь. С трудом распахнул тяжелую дверь, пересек коридор и помчался по лестнице на первый этаж. Очутился в холле с высокими окнами из цветного стекла по правую руку.

Часто бывало, что воспитатели отвлекались, и он незаметно выходил из группы, чтобы постоять у витражей. Вглядывался в алые и оранжевые, розовые и желтые, синие и зеленые стеклышки разных размеров, запоминал их, чтобы можно было потом в памяти собрать витражи самому, по кусочкам. Ковырял пальцем в трещинках между ними, собирая пыль и смывая ее с рук слезами, что лились от невыносимой тоски. Если он будет смотреть сквозь свое отражение на крыльцо детского сада, мама или папа сейчас же вернутся за ним. Заберут его домой совсем скоро, уже вот-вот...

Но сейчас он высматривал девочку, с которой должен был танцевать. Крылечко оставалось пустым, мгновения складывались в минуты, а он все стоял и стоял у окна. Боялся моргнуть, чтобы не пропустить миг, когда из-за поворота выйдет Орешек.

Кто-то подошел сзади. Почувствовал пряный запах маминых духов и услышал ее вздох.

Она положила руку ему на плечо.

— Печально, конечно, что все так получилось, — сказала она. — Уверена, ты станцевал бы прекрасно. Нина Дмитриевна говорила, что на последних репетициях ты очень старался.

— Где Орешек? — спросил Федя дрожащим голосом.

— Я не знаю, Федечка. И воспитатели тоже не знают. Ее мама не предупредила, что девочка не придет сегодня на утренник.

— Поч... Почему она не пришла?

— Скорее всего, заболела. Может, гуляла без шапки. Не так уж тепло на улице.

— Заболела?

— Да. Простудилась, наверное. Или куда-то срочно уехала с мамой. Знаешь, они давно собирались уехать. Вот, видимо, и собрались.

Федя опустил голову на светлый линолеум.

— Не вешай нос! — сказала мама. — Знаешь, сколько интересных встреч и новых друзей у тебя впереди? А сколько надо будет пережить расставаний? О-о-о, да их просто не счесть! Скоро пойдешь в школу и мигом забудешь свою Орешек.

— Почему она даже не попрощалась?

Мама не ответила. Она вытерла слезы у него на лице, взяла за руку и неспешно повела вперед по коридору. Федька несколько раз оглянулся на витраж, а потом цветные стеклышки скрылись за углом.

Федор стоял посреди небольшой комнатки: четыре стены из разноцветных стеклышек разного размера. Дверей и окошек не было. Под ногами виднелось множество маленьких плиток, изрисованных цветными мелками: кораблики и машинки, солнышки и облачка, цветочки и бабочки. Над головой вместо потолка сияло белое свечение. Яркий свет, блеск стекла и узор пола казались знакомыми, но давно позабытыми. Он не возвращался в Стекланную комнату больше двадцати лет.

Кто-то прошел сквозь витраж. Федор сразу узнал ее печальный взгляд, густые ресницы и смешную прическу в виде шапочки-желудя. Она нисколько не повзрослела за годы, но почему-то он ничуть не удивился.

Девочка поправила голубенькое платьице, неторопливо подошла к нему и взяла за руку. Он отметил, что одного с ней роста. Ее прикосновение оказалось теплым и приятным, слово дуновение майского ветра в октябре. Орешек повела его к витражу, и вдвоем они легко прошли сквозь неосязаемую преграду.

Очутились на поле, которое было засеяно золотой рожью. Посреди поля стояли могучие зеленые сосны, чьи ветви грустно клонились к земле. На ясное небо надвигались розово-серые дождевые облака. Низко к земле, почти у самого поля летели ласточки.

Витиеватая зеленая тропа вела их вперед. Орешек шла первой, Федор смотрел в спину девочки и не отпускал ее руку. Было тепло и спокойно, никто не хотел нарушать молчание.

Федор не знал, как долго они шли, это место было вне Времени. Остановились у большой темно-коричневой двери посреди поля. Девочка внимательно взглянула на Федора.

— Куда ведет эта дверь? — спросил он.

— Открой ее, — сказала Орешек. — Я не могу — двель тяжелая.

Федор потянул дверь за позолоченную ручку, и вместе с Орешком они зашли в залитый солнцем зал. Федор увидел зеркала, зеленый ковер и хрустальные люстры. В конце зала теснились на стульчиках мамы и папы, бабушки и дедушки. Он высмотрел свою маму, она ответила странным взглядом, словно ждала от него чего-то особенного. Папа улыбнулся и поднес к своему лицу видеокамеру с красной мигающей лампочкой.

— Доброго вечера, приходите еще! — воскликнула Татьяна Николаевна.

Она и Нина Дмитриевна шагали по залу навстречу друг другу и выкрикивали торжественные слова. Тут же Федор увидел нарядных мальчиков и девочек, которые стояли по парам и перешептывались.

Орешек вывела Федора на середину зеленого ковра. Воцарилась тишина, воспитатели остановились, дети и родители уставились на пару в центре зала.

И они танцевали вальс под «Метель», под эту волнующую и прекрасную музыку. Федор чувствовал, что вальсирует лучше, чем когда бы то ни было. Ощущал, как смотрят мама и папа. От восторга он зажмурил глаза на мгновение, но сразу же понял, что что-то не так.

Он танцевал один.

Родители стали громко шептаться, кто-то из детей звонко расхохотался. Татьяна Николаевна хотела что-то сказать, но отвернулась и заплакала.

Послышалось кваканье, воздух наполнился гнилостным болотным духом. Федор тонул в холодной зеленоватой жиже, из которой было не выбраться. Нина Дмитриевна упала на колени и протянула к нему руки, но слишком поздно. Сделал судорожный вдох, прежде чем захлебнулся.

Он пришел в себя на лавочке в раздевалке группы. Прошло столько лет, но не изменилось ничего: так же стояли два ряда голубеньких шкафчиков, над которыми висели детские рисунки гуашью и акварельными красками. Он поднялся с лавочки и захотел открыть шкафчик, в котором когда-то хранились его уличные ботинки и пуховик, но дверца не поддавалась.

Выйдя из раздевалки на лестничный пролет, он услышал звон граненых стаканов где-то неподалеку и почувствовал запах клубничного киселя. Сладость напитка и то, с какой нежностью густая и теплая жидкость заполняла рот, тотчас же вспомнились Федору. После обеда и ужина он выпивал густой розовый кисель залпом и просил добавки, вот только лишних порций никогда не бывало.

Он провел пальцами по шершавым светло-серым перилам, с любопытством взглянул на яркие стены, будто разрисованные детьми на занятиях по рисованию. Тут и там виднелись широкие лилово-розовые мазки, желтые кляксы и угловатые очертания листьев бегонии в серебристую крапинку. Ступени, которые раньше казались высокими и большими, теперь были до смешного маленькими. Минута по две-три ступеньки за шаг, он спустился на первый этаж.

В конце коридора, возле белой двери, что вела на крыльцо, стояла Орешек, тихая и задумчивая. Девочка посмотрела на Федора, и он вновь увидел печальные глаза.

— Почему ты ушла? — спросил Федор.

— Я не хотела площадь.

— Ты заболела?

Она кивнула.

— Ты куда-то уехала?

Снова кивнула.

— Далеко-далеко?

— Далеко-далеко.

— Так где же ты была все время?

— Я очень холошо спляталась.

Орешек толкнула дверь и исчезла в ярком сиянии дня.